

Арина
Арская

БЫВШИЙ МУЖ

ТЫ ЗАБЫЛ, КАК ЛЮБИЛ МЕНЯ

Арина Арская

**БЫВШИЙ муж. Ты
забыл, как любил меня**

«Литнет»

2025

Арская А.

Бывший муж. Ты забыл, как любил меня / А. Арская —
«Литнет», 2025

— Разведемся тихо-мирно, — внезапно заявляет мой муж Слава. — Ради наших мальчиков, Карина. Без скандалов. — Что... — листва шуршит под моими ногами. — Я больше не вижу смысла, Карина. — он говорит это тихо. — Ты прекрасная жена и мать, но ничего не горит. Просто... кончилось. И в этом нет твоей вины, но так бывает у мужчин... Перегорает. — У тебя есть другая? — хрипло спрашиваю я. Он кивает. — Сегодня я вас познакомлю. Я научилась жить без него. Прошло 10 лет. На дне рождения нашей трехлетней внучки он поднимает на меня взгляд, улыбается, и в груди опять ноет. Ноет о нашем прошлом, о нашей любви. Но... сейчас все стало намного сложнее, чем даже тогда, когда он познакомил меня с любовницей и сказал о разводе. Внимание: главные герои этой книги - Слава и Карина. Важно: Я люблю моих персонажей. Это уставшие и запутавшиеся люди в глубоком кризисе. Личностном, родительском, отношенческом.

Содержание

1 10 лет назад	5
2 10 лет назад	7
3 10 лет назад	9
4 10 лет назад	11
5 10 лет назад	14
6 10 лет назад	16
7 10 лет назад	18
8 10 лет назад	21
9 10 лет назад	24
10 10 лет назад	26
11 9 лет и около 6 месяцев назад	28
12 9 лет и 6 месяцев назад	30
13 9 лет и 4 месяца назад	32
14 9 лет и 3 месяца назад	34
15 9 лет и 3 месяца назад	36
16 9 лет и 3 месяца назад	38
17 5 лет назад	40
18 5 лет назад	42
19 4 года и 7 месяцев назад	44
20 4 года и 6 месяцев назад	46
21 4 года и три месяца назад	48
22 4 года назад	50
23 4 года назад	52
24	55
25	58
26	61
27	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

1 10 лет назад

10 лет назад

— Разведемся тихо-мирно, — внезапно заявляет мой муж. — Ради наших с тобой детей, Карина. Без скандалов.

Я не сразу понимаю, что он не шутит.

Вячеслав идет рядом, его плечо чуть касается моего. Осенний воздух резок, пахнет сырой землей и гниющими листьями. Аллея, усыпанная золотом и багрянцем, вдруг кажется туннелем в никуда.

— Что...

В горле моментально пересыхает. Что за бред? Мы вышли на нашу привычную субботнюю прогулку в три часа дня. Это наша традиция уже пятнадцать лет.

Столько лет нашему браку.

Воздух застывает в легких колючим комком. Я останавливаюсь и смотрю на Вячеслава, будто вижу его впервые.

А может, и правда впервые. Куда делся мой улыбчивый Слава? Передо мной стоит чужой, мрачный мужчина. Глубокие тени залегли под глазами, скулы заострились, щетина проявилась четче на щеках. А губы, которые я целовала тысячу раз, сейчас сжаты в тонкую, злую нить. Ветер треплет его темные волосы, и в них блестит первая, безжалостная седина.

Рано начал седесть. Ему же всего тридцать шесть.

Пару прядей упали на лоб — он даже не смахивает. Стоит, засунув руки глубоко в карманы пальто и смотрит перед собой. Угрюмый и отрешенный.

— Я больше не вижу смысла, Карина. — он говорит это тихо, с какой-то отстраненной печалью. Будто сообщает о смерти дальнего родственника. — Ты прекрасная жена и мать, но ничего не горит. Просто... кончилось. И в этом нет твоей вины. Ни капли. Поверь. Так бывает у мужчин.

Воздух пахнет прелой листвой и дождем. Этот запах всегда казался мне уютным. Теперь от него тошнит. Холод пробирается под пальто, заставляя кожу покрыться мурашками.

— У тебя есть другая? — вопрос срывается с губ прежде, чем я успеваю его обдумать.

Вячеслав не отвечает. Он просто коротко, почти незаметно, кивает. Этот кивок — как удар под дых. Я хватаю ртом воздух, но его все равно не хватает. Мир сужается до этой осенней аллеи, до его серого лица.

Я в ужасе прижимаю ладонь ко рту. Перчатка из тонкой кожи пахнет чем-то сладковатым и влажным.

Я хочу отступить от Славы, бежать и скрыться в тених аллеи, но в этот момент мой взгляд скользит мимо его плеча, в конец аллеи.

Там, у маленького кофейного киоска, светится фигурка. Девушка. На ней яркое красное пальто, выделяющееся огненным пятном на фоне серого дня. Пушистый белый шарф обнимает ее шею, а каштановые волосы собраны в небрежный пучок. Она молодая. Такая молодая, что это кажется неприличным, а я ведь сама не совсем старая. Мне лишь тридцать пять.

Кровь отстукивает в висках: тук-тук-тук. Он привел меня сюда не просто для разговора. Это очная ставка. Казнь, назначенная на прогулке.

А я дура, сама настаивала на прогулке и обещала ему, что на свежем воздухе он повеселеет.

Ноги прирастают к мокрому асфальту. Я не могу сделать ни шагу. Слава берет меня под руку. Его пальцы кажутся железными, холодными сквозь рукав моего пальто.

— Пусть это случится сейчас, — его голос ровный, почти безразличный. — Лучше сразу резать, чем отщипывать по кусочку. Познакомьтесь. Так будет проще.

Проще? Кому будет проще?

— Пойдем, — говорит он, и в его голосе нет просьбы, только решение.

— Пусти... — сипло шепчу я, но сама вырваться не в силах.

Он ведет меня. Ноги ватные, еле двигаются. Девушка забирает из окошка два стаканчика. Поворачивается и с неловкой, виноватой улыбкой шагает нам навстречу. Шаги ее легкие, быстрые по хрустящей листве.

— Слава, так нельзя... Слава, что ты творишь...

— Я много думал, Карина, — глухо отвечает он, — и пришел к решению, что все должно быть вот так. Жестоко? Да, — он коротко и резко кивает, — но у тебя не будет лишних иллюзий и сомнений насчет меня.

Она приближается, и я вижу ее огромные голубые глаза. Она смотрит на меня с испуганным любопытством, как смотрят на диковинного зверя в клетке.

Она подходит вплотную. Запах ее духов — что-то сладкое, ванильное — смешивается с ароматом кофе и гниющих листьев.

— Здравствуйте, — лепечет она и протягивает стаканчик мне. — Это вам.

Пар поднимается над пластиковой крышечкой, щекочет нос пряным, приторным ароматом.

Она молодая. Лет двадцать пять, не больше. Худенькая. Лицо миловидное, открытое, сейчас смущенное. Голубые глаза большие, чуть навывкате, но лицу это придает очаровательную... ангельскую невинность.

Я не замечаю, как теплый картонный стаканчик оказывается у меня в руке. Я чувствую его жар сквозь тонкие перчатки. Запах сладкой тыквы, корицы, парного молока бьет в нос. Такой знакомый. Любимый. Раньше.

Она знает, что я люблю тыквенный латте. Знает, и ей об этом, похоже, поведал мой муж.

Я любила шутить: «Вкусный кофе задобрит и дракона-людоеда». Вот и меня сейчас решили задобрить.

Мир рушится. Звуки аллеи — шелест листьев, далекий детский смех — глохнут. Остается только жар этого стаканчика в моей ледяной руке, лицо мужа — каменная маска, и эти большие, виноватые глаза его любовницы.

— Это Мария, — представляет муж красавицу с ангельскими глазами.

В глазах темнеет. Рука дрожит. Стаканчик выскользывает из пальцев. Теплый, сладкий, липкий поток тыквенного латте растекается по моим сапогам, по опавшим листьям у ног. Я смотрю на лужу. На ошметки взбитых сливок. На свою руку, пустую. И не могу дышать.

— Ой, — охает Мария и вручает мне свой стаканчик, — тогда возьмите мой кофе...

2 10 лет назад

— Слава настоял, чтобы мы познакомились, — шепчет Мария и слабо улыбается, а я все же делаю шокированный глоток кофе. — А я всего этого боялась... и боюсь...

Молочная сладость, терпкая горечь арабики... Хороший кофе. Вкусный.

Я понимаю, почему Слава устроил нам встречу.

Это действительно очная ставка, на которой я могу узнать всю правду, а это правда выжжет из меня, из моего сердца, моей души все сомнения, вопросы, недоумение...

— Как долго? — спрашиваю я.

Наверное, я даже благодарна Славе за то, что он поступил так ультимативно и бескомпромиссно, ведь его решение все обрубить резко и быстро лишило меня слез.

— Полгода, Карина, — отвечает Слава.

— Но я... я год люблю, — виновато говорит Мария.

Тепло картонного стаканчика уже не греет, а жжет пальцы сквозь перчатку. Сладкий запах тыквы смешивается с запахом молока, мокрого асфальта. Горько-молочный привкус все еще на языке.

Я сглатываю.

Полгода они вместе. Год Мария влюблена в моего мужа. Да, и около года назад у нас начались ссоры. Редкие, но меткие: я била посуду, а он переворачивал мебель, а потом мы, конечно, мирились.

Потом ссор не стало. Да, примерно полгода назад все затихло, и я обрадовалась тому, что мы пережили кризис в наших отношениях. Отделались только скандалами. Это такая мелочь, когда другие в нашем возрасте громко разводятся, устраивают суды, отбирают детей и унижают дележкой имущества.

Я смотрю на Марию, в ее виноватые глаза. Потом — на Славу, на его каменное лицо.

Воздух снова не лезет в легкие. Слишком тесно. Слишком больно.

Я мягко, почти невесомо, вытягиваю свою руку из стального захвата Славы. Его пальцы разжимаются нехотя. Это движение кажется мне целой вечностью. Секунда, другая, и я, наконец, свободна.

Я делаю шаг назад. Потом еще один. Хруст сухих листьев под сапогами — единственный звук в оглохшем мире.

Я плавно разворачиваюсь и иду прочь по аллее. Не бегу с криками и слезами. Нет. Когда кричат и режут, то, значит, сердце еще живо, а мое убили за несколько секунд. Несколькими словами. Одной встречей.

Мое тело движется само, на автомате. Ноги переставляются, как у сломанной куклы. Спина прямая, взгляд устремлен в серую дымку впереди. Я зомби. Пустая оболочка, из которой только что вырвали душу. В руке все еще теплится стаканчик с чужим кофе.

Звуки — ветер в ветвях, крики ворон — доносятся до меня как сквозь толстое ватное одеяло. Мимо проносится подросток на самокате.

Сзади слышу голос Славы. Тихий, но четкий и ровный, как у врача сообщающего диагноз:

— Ей нужно время... И сейчас я должен быть с ней.

— Да, я все понимаю, Слава, — отвечает Мария.

Ее голос — покорный шепот, и сейчас я даже представить не могу, что она способна на крики.

Что-то заставляет меня обернуться. Какая-то последняя, отчаянная судорога умирающей надежды, что Слава крикнет: «Мы тебя разыграли, дурочка!».

Я смотрю через плечо и вижу...

Мария делает два коротких быстрых шага к Славе. Встает на цыпочки и быстро, по-хозяйски, чмокает его в колючую щеку. Этот влажный, короткий звук — как щелчок кнута. Ветер доносит сквозь шелест листьев до меня ее шепот, предназначенный только ему:

— Ты был прав... Она у тебя очень спокойная. Я так боялась криков... истерики...

Слава натягивает кривую, безжизненную улыбку. Он не смотрит на нее. Он смотрит на меня, а я на него.

Этот момент я запомню на всю жизнь. Этот взгляд, этот ветер между нами, эту долбанную каркающую ворону под ясенем и желтые листья под ногами. Я так четко не буду помнить наш первый поцелуй, как это мгновение, в котором много красоты женского отчаяния.

— Что ты, Маш. Это только начало. Впереди разговор с детьми. Вот это будет... — Он не договаривает, машет рукой. — Эта встреча только начало.

Разговор с детьми. Новый круг ада.

Мария прослеживает его взгляд и встречается с моим. Ее щеки вспыхивают, а ее глаза — большие, голубые — расширяются.

Она стыдливо отступает от моего мужа, от моего Славы. Будто ее поймали на месте преступления. Да, мы же еще женаты, а значит поцелуй даже в щеку на моих глазах — неприемлемы.

— Я пойду, Слав... До свидания, Карина, — бормочет она и, не дожидаясь ответа, почти бежит прочь, в сторону выхода из парка. Ее красное пальто мелькает между деревьями.

Я стою. Смотрю, как она исчезает.

Спокойная.

Вот как он меня преподнес.

Удобная и совсем не истеричка. Все поймет и кричать не будет.

Слава смотрит вслед Маше несколько секунд, а потом разворачивается и решительным, размашистым шагом идет ко мне.

Зачем? Зачем он возвращается? Добить? Насладиться своим мужским триумфом над тихой и раздавленной женой.

Он останавливается передо мной. Его лицо — непроницаемая маска, лишь глаза — темные и полны обреченной печали. Печали обо мне, о нашем браке, о нашей любви.

— Что тебе еще нужно? — сиплю я.

Мой голос чужой, надтреснутый.

— Я не могу сейчас оставить тебя одну, — спокойно отвечает он. — Ты можешь натворить глупостей.

Он смотрит на меня так, будто я неразумный, капризный ребенок. Или старуха в деменции. Не жена, с которой он прожил пятнадцать лет, а кто-то, кого он обязан взять под контроль и временную опеку..

— Мы вернемся домой, — продолжает он своим ровным, убийственным тоном. — Развод — это не только мое признание, Карина. Это новый этап жизни нашей семьи. Долгий, серьезный и сложный этап в жизни каждого из нас.

— Оставь меня...

— Пойдем домой, — продолжает он, его голос пытается быть мягким, но выходит команда. — Я заварю тебе успокоительного чая. Ромашку. Или мяту. Что хочешь. И мы... продолжим разговор. О разводе. О детях. О том, как будем жить дальше.

Он не берет меня под руку снова, но стоит близко, готовый поймать, если «натворю глупостей».

3 10 лет назад

Я сижу за кухонным столом, обхватив локти, и смотрю на спину Славы.

Его движения выверены, спокойны. Он не смотрит на меня. Открывает шкафчик, достает цветастую картонную коробку с травяным сбором.

Слышу шорох сухого сбора, когда он высыпает его в заварочный чайник. Звон стекла о каменную столешницу. Шипение электрического чайника, набирающего силу. Каждый звук отзывается во мне болью и страхом перед будущим.

Я наблюдаю за ним с отстраненностью приговоренной к смерти. Удивляюсь, насколько он все продумал. Этот разговор в парке, эта встреча с ней, а теперь этот успокоительный чай. Словно он репетировал эту сцену месяцами. Он позаботился обо всем. Кроме моего сердца.

Запах мяты и чего-то горьковатого — полыни? — начинает заполнять кухню. Он должен успокаивать. Но для меня это запах похорон. Похорон нашей семьи. Я чувствую, как холод, впитанный в парке, сидит глубоко в костях, и никакой чай его не выгонит.

— Почему ты так долго тянул? — мой голос звучит хрипло, чужеродно в этой стерильной тишине. — Полгода. Это же не неделя.

Заливает травы кипятком.

Я не смотрю на него, а уставилась на пузырьки воздуха, поднимающиеся в стеклянном чайничке.

Он не поворачивается. Его спина — прямая, напряженная стена. Выжидает около минуты и разворачивается в мою сторону.

Слава вздыхает, ставит передо мной фарфоровую чашку с нежным цветочным узором — мою любимую. Он помнит. Конечно, помнит. Он все продумал.

Слава садится напротив. Его глаза, которые я когда-то так любила, теперь смотрят на меня с тяжелым, выстраданным сожалением.

— Мария... — Он произносит имя осторожно, — Она сначала была... отвлекающим маневром. Ты же видела, каким я стал. Раздраженным. Вечно недовольным. Агрессия клокотала внутри, и я боялся, что выплесну ее на тебя, на детей. Она была как клапан. Чтобы... сбросить пар. Расслабиться. И в начале... это работало. Я возвращался домой спокойнее. Думал, это выход. Решение. Что смогу остаться.

Он наливает чай. Прозрачно-золотистая жидкость льется в чашку, пар вьется над столом, несет успокаивающий аромат трав. Горьковатый аромат полыни смешивается с мятной сладостью. Он кладет передо мной ложку меда. Тоже помнит, что я люблю мед в травяной чай.

— Я не хотел развода ради детей, — продолжает он тихо, будто боится, что его услышит кто-то еще. Его голос звучит искренне, но от этого еще больнее, — Но теперь я понимаю, что именно ради них и стоит разойтись. Чтобы не мучить друг друга. Лучше остаться друзьями вне брака, чем врагами в семье. И дети... они меня поймут. Они же все чувствовали.

Горькая правда его слов обжигает сильнее, чем кипяток. Мне приходится мысленно с ним согласиться.

Двенадцатилетний Гриша, наш веселый и светлый мальчик, вдруг стал хулиганить в школе, дерзить учителям.

А Костя... мой старший, мой четырнадцатилетний серьезный парень, совсем замкнулся. Он отстранился, как будто стена выросла между нами. Любая моя попытка заговорить, обнять — встречает взрыв раздражения или ледяное молчание. "Отстань, мам! Достала, блин," — его постоянная фраза последние месяцы.

Они все чувствовали. А я, слепая дура, списывала все на переходный возраст.

Мысленно я вынуждена кивнуть. С горечью, с бессилием. Слава прав. Они чувствовали. Эта ледяная тишина между нами за ужином. Натянутые улыбки на семейных фото. Наши редкие, но страшные ссоры полгода назад. Они все впитали.

— Ты... — Я с трудом выдавливаю слова, глядя на чашку, а не на него. — Ты забереешь их? Мальчиков?

Слава качает головой. Его взгляд становится чуть мягче, почти отеческим. Жестокий парадокс.

— Карина. Они не малыши. Грише двенадцать, Косте — четырнадцать. Они уже личности. Юридически их мнение будет учитываться судом. А по-человечески...

Пытается даже пошутить:

— Они сами решат, кому будут трепать нервы.

Я тоже выдавливаю слабую улыбку и отвожу взгляд. Материнское чутье подсказывает, что парни уйдут с отцом. Возраст у них сейчас такой, когда мать раздражает, бесит... Когда нужен отец. Они взрослеют, они сами скоро станут мужчинами...

— Мы не будем их делить, как мебель. Мы... будем рядом. Оба. Просто в разных домах.

Я подношу чашку к губам, чтобы спрятать лицо. Чтобы он не видел, как дрожит мой подбородок. Руки трясутся так, что чай едва не расплескивается. Горячий, горьковатый, травяной вкус на языке. Слезы катятся по щекам и падают в чашку, делая напиток соленым.

— Прости, — вдруг говорит он. — Прости за то, что я стал видеть в тебе лишь родственницу... будто сестру.

Сестру. Это слово — последний удар. Контрольный выстрел.

— Все будет хорошо, — обещает он, а я не верю ни единому его слову. — Мы переживем этот развод. Вместе. Как и должны. Мы же семья.

В этот самый момент из глубины квартиры доносится резкий хлопок входной двери.

— Ма, пап, мы дома! — раздается недовольный, требовательный крик нашего двенадцатилетнего сына Гриши.

А от Кости — ни звука. Я лишь слышу его тяжелые шаги по лестнице.

Наши сыновья здесь. Разговор окончен. Начинается казнь.

4 10 лет назад

Тепло фарфора согревает пальцы, но не душу. Там, внутри, продолжает выть ледяной ветер, принесенный из парка.

Слава доливает мне вторую порцию горьковато-мятного чая, и я послушно делаю глоток. Жидкость обжигает язык, но действительно немного отпускает спазм в груди.

Я встаю и иду в гостиную. Все важные разговоры мы ведем там. Сажусь в кресло, а Слава идет к сыновьям.

Слава поднимается по лестнице, его шаги гулкие, тяжелые.

Я прижимаю теплую, почти пустую чашку к груди.

Шаги Славы — шаги палача, идущего за следующими жертвами. Моими мальчиками. Моими сыновьями. Он их не пожалеет, ведь так лучше.

Ведь так правильно.

Ведь так он решил.

— Костя, Гриша, спуститесь в гостиную, пожалуйста. Есть серьезный разговор, — его голос доносится сверху, приглушенный, но властный.

В ответ я слышу недовольное мычание, а потом звонкий, еще не до конца сломавшийся голос Гриши.

— Пап, да достали эти серьезные разговоры! Что опять? У нас в школе все нормально! Нечего нам мозги колупать!

"Да идите вы..." — бурчит Костя, глуше, словно сквозь зубы.

Его слова сливаются со звуком удара кулаком обо что-то мягкое — вероятно, подушку.

Опять психует. Наверное, хотел поиграть в приставку, а тут отец со своими серьезными разговорами.

Я вслушиваюсь в каждый звук. В скрип кровати под вставшим телом, в шаркающие шаги по ковру, в подростковое недовольное ворчание, как мы надоели.

Чай действительно немного притупил остроту паники, но оставил взамен ледяную, тяжелую пустоту в груди.

Сыновья не хотят. Они сопротивляются. Они еще не знают, что этот разговор — не про оценки и поведение. Он про то, что их мира, такого привычного и устойчивого, больше не существует.

Парни продолжают пререкаться. Их голоса сливаются в раздраженный гул, и я слышу, как терпение Славы лопается.

— Я сказал, спуститься вниз! Немедленно! И прекратить ерничать! — рывкает он так, что я вздрагиваю здесь, на первом этаже.

Через минуту он возвращается ко мне в гостиную. Нервно расстегивает верхнюю пуговицу на рубашке, будто она его душит.

Потом проводит ладонью по шее, будто на шее все еще осталась невидимая удавка. Подходит к окну, резко дергает штору, хотя света и так мало.

Проводит рукой по волосам, взъерошивая их, а после приглаживает их.

Нервничает и не знает, чего ждать от сыновей.

— Тебе бы тоже выпить чая, — усмехаюсь я.

Наши взгляды вновь пересекаются, и он немного щурится:

— Я справлюсь без него, Карина.

Затем садится в кресло рядом со мной, поправляя манжеты рубашки, которую я ему стирала. Руками. Ведь машинная стирка не убрала бы желтые разводы от пота на воротнике.

Слава не может спокойно сидеть в кресле. Встает и возвращается к окну, у которого замирает, спрятав руки в карманы брюк.

Раздаются тяжелые, недовольные шаги на втором этаже, а после — по лестнице. Сыновья спускаются нехотя, волоча ноги.

Вваливаются в гостиную.

Первым идет Костя, мой старший, мой почти мужчина. Четырнадцать лет. Высокий, худой, угловатый. В его темных, как у отца, глазах застыла вечная подростковая скука и раздражение. Волосы взлохмачены, на нем растянутая толстовка с черепом и рваные джинсы. За ним плетется Гриша.

В свои двенадцать он еще сохранил детскую припухлость щек, но изо всех сил пытается копировать старшего брата: та же наглая походка, та же насупленность. Он в яркой футболке с мультяшным монстром, которая кажется сейчас кощунственно веселой. Глаза — мои, серо-голубые — сейчас широко раскрыты, но не от удивления, а от наглого вызова.

Они не садятся, а именно падают на диван, с шумом проваливаясь в мягкие подушки.

— Ты толкнул! — тут же шипит Гриша на брата. — Двинься!

— Сам подвинься! — огрызается Костя и пихает его плечом.

— Заткнись!

— Сам заткнись!

— Тихо! — обрывает их Слава, оглядываясь на сыновей.

Мальчики закатывают глаза почти синхронно, демонстрируя полное пренебрежение к нашей взрослой суете.

Слава тяжело выдыхает. Смотрит куда-то сквозь них, сквозь меня, сквозь стены этого дома.

— Мы с мамой разводимся, — отрезает Слава.

Тишина. Она не просто наступает — она обрушивается на нас, густая, вязкая, оглушающая. Я перестаю дышать. Я вижу, как замерли мальчики. Даже их напускная наглость испарилась, оставив на лицах растерянность.

Проходит, наверное, целая минута, прежде чем Костя отстраненно хмыкает. Кривая, циничная ухмылка трогает его губы.

— А я уж думал, когда. Ждал этого.

Гриша, наоборот, вскакивает с дивана, будто его ударило током. Его глаза мечутся между отцом и мной, в них плещется непонимание и страх. Он открывает рот, закрывает, а потом растерянно садится обратно к брату и рявкает в пустоту:

— Какого черта?!

Костя цыкает на него и с видом старшего, все понимающего гуру, хлопает по плечу.

— Забей, братан.

А после этого он встает, потягивается и небрежно шагает к дверям гостиной.

— Пошли порубимся в приставку.

— Костя, вернись, — слова вырываются из моего горла сухим шепотом. Мой голос меня не слушается. — Разговор еще не окончен.

Он останавливается в дверном проеме. Медленно разворачивается. Его лицо — непроницаемая маска. Он смотрит на Славу, потом на меня. И поднимает руку, показывая нам обоим средний палец.

— Да пошли вы к черту, — бросает он холодно и исчезает в коридоре.

— Я в любом случае нашел хорошего детского психолога, — говорит Слава и вновь смотрит в окно, — без него, видимо, не обойдемся.

5 10 лет назад

Хлопает входная дверь.

— Карина! Слава! Где вы?! — Голос моей матери, пронзительный и властный, режет воздух. Следом — басовитый, нутужный кашель отца. — Вы что удумали?!

Отстраненно думаю о том, что стоит поменять замки и дубликаты ключей больше никому из родни не отдавать, а то привыкли наши родители прибегать без приглашения.

Наверное, сыновья им написали. Кто же еще.

Вторя им, другой дуэт — взволнованный шепот свекрови и гулкий басок свекра. Они приехали. Все четверо. Как тяжелая кавалерия, ворвавшаяся в осажденную крепость.

До того, как я успеваю ополоснуть стакан, они заполняют кухню. Воздух мгновенно пропитывается смесью маминых резких духов «Воздушная весна», отцовского табака и влажного запаха уличной сырости с их пальто. Лица у всех покрасневшие, глаза сверкают возмущением и решимостью.

— Кариша! — Мама бросается ко мне, хватая за плечи. Ее холодные пальцы, в впиваются в меня. — Вы, что, тут все с ума посходили?

— Мам, пап... — пытаюсь я вырваться, но отец уже берет меня под другую руку.

— Спокойно, доча, спокойно, милая, — он пытается звучать умиротворяюще, но его хватка стальная. — Сейчас мы разберемся. Никуда он не денется... Семья — это святое, — затем повышает голос. — Никаких разводов!

И тащат меня в гостиную. Я спотыкаюсь о порог, но их руки меня не отпускают.

— Зачем вы приехали?

— Спасать вашу семью! — безапелляционно заявляет мама. Ее глаза, подведенные темным карандашом, сверкают фанатичной решимостью. — Не зря у меня сегодня сердце болело.

— Славочка! Сыночек! — Голос свекрови, Марины Петровны, звенит снизу вверх по лестнице. — Мы тут! Спускайся! Срочно!

Топот тяжелых шагов свекра, Николая Ивановича, уже грохочет по ступеням на второй этаж.

Без разрешения хозяев, без спроса. Они идут прямо к моему мужу. В нашу спальню, где он неторопливо и основательно собирает вещи. После разговора с мальчишками прошло уже три часа.

— Мама, отпусти! — шиплю я, наконец выдергивая руку. — У него другая, ясно?

— А, фигня! — Мама отмахивается, как от назойливой мухи. Ее лицо близко, я вижу каждую морщинку у губ, покрашенных ярко-алой помадой. Запах помады, духов и чего-то кислого от ее дыхания смешивается в тошнотворный коктейль. — Ерунда! Мужчина! Пройдет! Главное — семью сохранить! Сейчас мы ему мозги вправим! Это просто кризис у вас!

Я теряюсь от ее слов, чувствуя себя дурочкой, которая ничего не понимает в этой жизни. У мужа есть любовница? Фигня какая!

Сверху доносится приглушенный гул голосов. Я замираю, прислушиваясь, сердце колотится о ребра.

— Славочка, куда это ты намылился?! — Это свекровь, голос дрожит от возмущения. — Ты бросай это дело! Ты что учудил?! Да как так можно! От жены родной бежать?

— Вячеслав! — Громовой раскат свекра. — Прекрати немедленно!

Пауза. Напряжение висит в воздухе густым, липким туманом. Потом — спокойный, ровный голос Славы, отчетливо долетающий сверху:

— Я планировал поговорить с вами позже, мама и папа. Но раз уж явились — В его тоне слышится усталая ирония. — Что ж... Будет второй серьезный разговор.

Я чувствую, что я зверски устала. Я даже плакать не хочу. Мне бы просто полежать в тишине и полумраке, но у наших родителей — другие планы. Они ведь против развода.

— Уходите, пожалуйста, — умоляю я, обращаясь к своим родителям. Голос предательски дрожит. — Оставьте нас. Мы сами разберемся...

— Что?! — Отец смотрит на меня, будто я сказала нечто чудовищное. — Дочка, мы приехали вас мирить! Ради вас! Ради внуков! Вы же не дети! Все пары через это проходят! Главное сейчас вам мозги вправить!

— Мирить двух упертых дураков! — подхватывает мама, энергично кивая. — заскучили вы, видимо! Слишком хорошо живете! Скучно стало!

Сверху снова грохот шагов. Все трое спускаются. Слава идет впереди, лицо — каменная маска, лишь в уголках губ — тень усталости или раздражения. За ним — его родители.

Свекровь вся в напряжении, ее маленькая фигурка в кашемировом пальто кажется почти девичьей. Лицо бледное, кроме двух ярких пятен румян на скулах.

Свекор пунцовый, дышит тяжело, его мощная шея напряжена, как у разъяренного быка. Тяжело ступает за женой, его мощная, некогда атлетическая, а теперь заметно обрюзгшая фигура спрятана под добротным драповым пальто.

Мои родители тут же выпрямляются, занимая «боевые» позиции в гостиной. Мама подбоченивается, отец расправляет широкие плечи.

Слава останавливается посреди комнаты. Он не садится. Взгляд его скользит по всем нам, холодный, оценивающий. Потом он делает глубокий вдох и говорит. Громко. Четко. Официально. Будто зачитывает приговор:

— Мама, папа. Людмила Александровна, Валерий Сергеевич. — Он кивает каждым из наших родителей. — Я понимаю ваше беспокойство. Но решение принято окончательно. Мы с Мариной разводимся, и да, — он делает паузу, его взгляд на мгновение встречается с моим, — у меня есть другая женщина. Это факт, и я его больше не скрываю и не намерен скрывать.

6 10 лет назад

— Что?! Другая?! Славик, ты с ума сошел?! — визгливо вскрикивает свекровь. — Какая другая? Ты что такое говоришь? Жена у тебя красавица, умница...

— Душа не лежит, — мрачно отвечает Слава, а я отворачиваюсь.

— Что ж ты за дурак? — гремит свекор. — Ты нас решил все сделать темой для сплетен? Погулял и хватит! О сыновьях подумай!

— Молодая шалава, наверное, — шипит моя мать, бросая на Славу яростный взгляд.

Слава устала вздыхает и трет переносицу со словами:

— Вы сейчас все на эмоциях... Я понимаю...

— Сынок, одумайся... — мой отец пытается подойти к нему, но Слава отступает на шаг, его рука вскидывается в предостерегающем жесте.

— Достаточно, — он не повышает тональность, но все замолкают. Ледяной голос, не допускающий возражений. — Это наша жизнь. Наш брак. Карина и я — не та семья, которая будет годами существовать ради долга, притворяться ради детей.

Он смотрит прямо на меня, и в его взгляде, кажется, мелькает что-то... извиняющееся? Или просто усталость?

— Я не имею морального права занимать годы жизни у женщины, с которой я мог бы остаться только из глупого, трусливого желания «не навредить сыновьям» или «сохранить лицо». Я и так отнял у нее полгода. Этого достаточно. Я так жить не хочу.

Он поворачивается к нашим родителям, его поза прямая, почти вымученно-официальная.

— Я настойчиво прошу вас всех уйти. Сейчас. Не усугубляйте ситуацию, в которой Карине и так невероятно тяжело. Дайте нам время и пространство.

Горечь, острая как лезвие, подкатывает к горлу. Мой заботливый муж. Разрушил семью, представил меня любовнице, а теперь защищает от родни. Герой.

И говорит им, что мне тяжело и больно.

— Ты же потом, дурак, пожалеешь... — начинает свекор, но его перебивает моя мать.

Ее глаза сверкают новой идеей.

— Внуки! — выпаливает она. — Мы забираем Гришу и Костю! Сейчас же! Пока вы тут свои глупости устраиваете! Если вам на них наплевать... то нам — НЕТ!

Слава закрывает глаза на мгновение, будто собираясь с силами. Потом кивает, коротко и резко.

— Если мальчики захотят поехать с вами — пожалуйста. Пусть едут. Им действительно не нужна эта... атмосфера сейчас, — Он машет рукой в сторону лестницы. — Они наверху.

Это как сигнал к атаке. Четверо взрослых людей бросаются к лестнице, толкаясь в дверном проеме. Их возбужденные голоса, споры — «Гриша с нами!», «Костя поедет к нам!» — сливаются в оглушительный гул, который поднимается вверх и растворяется в коридорах второго этажа.

Слава отходит к окну, спиной ко мне. Он накрывает лицо ладонями, плечи слегка подрагивают. Стоит так, вслушиваясь в возню наверху — в приглушенные вопросы бабушек и дедушек, в неразборчивые ответы мальчишек. Я стою у телевизора, обхватив себя руками, пытаюсь сдерживать дрожь. Запах родительских духов еще висит в воздухе, смешиваясь с горьковатым ароматом травяного чая и дождя, который они принесли с собой.

— Главное пережить первые три дня, — говорит Костя. — Они будут самые сложные для нас...

— Для нас? — усмехаюсь я. — Нет больше никаких нас, Слава.

— Мы все еще родители двух мальчишек.

Проходит вечность. Или десять минут. Шум стихает. Снова топот по лестнице. Наши родители спускаются, ведя за собой сыновей. Гриша — бледный, с опухшими от слез глазами, держится за руку свекрови. Он несет рюкзак. Костя — мрачный, с каменным лицом, ссутулившись, шагает рядом с моими родителями. В его руке — игровая приставка в чехле. Они даже не смотрят в нашу сторону.

— А когда мы вернемся? — тихо всхлипывает Гриша, глядя на меня.

— На выходных побудете у нас, солнышко, — отвечает свекровь, ласково, но властно, подталкивая к выходу. — Отдохнешь. Папа с мамой... разберутся.

Костя же молчит. Не прощается, и даже не фыркает

Они копошатся в прихожей, надевая пальто, что-то бормоча друг другу. Потом — последние наставления, брошенные в нашу сторону:

— Одумайтесь!

— Не губите семью!

— Не рубите все так резко, дурные!

Я все еще стою окаменевшая. Шаги. Слава медленно подходит ко мне. Он останавливается в метре, не решаясь приблизиться. Мы смотрим друг на друга в тишине, и я выхожу из гостиной.

И тут входная дверь снова приоткрывается. На пороге — моя мать. Она проскальзывает внутрь, быстро подходит ко мне, подается вперед. Ее губы, липкие от помады, прикасаются к моему уху. Голос — шепот, горячий, настойчивый.

— Ты не теряйся сейчас! — Ее пальцы сжимают мою руку. — Вы тут одни. Используй шанс! Пошли скандал! Разбей что-нибудь! Покричи! А потом... — Она делает многозначительную паузу. — Помирись. В горизонтальной плоскости. Ты же женщина... Понимаешь? Нельзя его вот так просто отпускать... За своего мужика надо бороться... Просто у мужа твоего сейчас сложный возраст...

Она отстраняется, смотрит на меня ожидающе. Потом быстро поворачивается и исчезает за дверью, оставив после себя шлейф духов и этот чудовищный, пошлый совет.

Я оглядываюсь на Славу, который замер в проеме двери гостиной. Вероятно, он слышал слова моей мамы. Он вздыхает.

— Глупый совет, — подытоживает он и прячет руки в карманы брюк. — И меня никогда не заводили крики и женские истерики.

7 10 лет назад

Ручка скользит по бумаге, оставляя чернильные росчерки, похожие на шрамы. Карина Грознова. Моё имя. Рядом – Вячеслав Грознов.

Его имя. Рядом, но уже не вместе.

Воздух в переговорной адвокатской конторы тяжелый, спертый, пахнет пылью старых папок, дешевым кофе из автомата в коридоре и... одеколоном Славы.

Все тот же, древесно-пряный. Запах моего прошлого, запах моей любви и разочарования.

Подписываю. Лист. Еще лист. Бумага шуршит под моей рукой. Ручка липкая от пота. Адвокат Славы – молодой, подчеркнуто корректный – аккуратно подвигает следующий документ.

Я вижу цифры. Дом – мой.

Дача – моя.

Машина – моя.

Половина накопленного за пятнадцать лет – на моем счету. И его обязательство – в течение года выкупить у меня мою долю в небольшом, но стабильном бюро по проектированию инженерных сетей. По рыночной цене. Без споров, без затягивания.

Щедро, – холодно отмечает мысль где-то в выжженной пустыне моего сознания.

Он откупается. Чист, как слеза ангела. Оставил жену не на улице, не с пустыми карманами. Молодец, Слава.

Герой.

Финансово – я в плюсе. Солидно.

Но сердце... Сердце – комок мертвого пепла в ледяной скорлупе. Оно не бьется при виде этих цифр. Оно не бьется вовсе.

Деньги? Кому они нужны, когда потерял мой любимый муж?

Краем глаза вижу его руку. Сильная, знакомая до каждого напряженного сустава.

Он берет свою ручку – дорогую, матово-черную. Ставит подпись рядом с моей. Решительно. Уверенно. Без тени сомнения, без малейшей дрожи. Каждый росчерк – трещина в моей душе.

Вот так легко, вот так окончательно он рубит пятнадцать лет. Как будто подписывает счет за обед. Уверенность в его движениях – новый удар. Это не импульс, не срыв. Это продуманное, взвешенное, твердое решение, от которого мне нечем дышать.

Адвокаты – мой и его – вежливо забирают подписанные стопки.

— Минут десять, – говорит мой, пожилая женщина с усталыми, но добрыми глазами. – Подошьем, заверим, принесем ваши экземпляры.

Адвокаты выходят. Дверь тихо притворяется.

Остаемся вдвоем. В этой холодной коробке с дорогим деревом стола и бездушными картинами на стенах. Боль накатывает волной, горячей и тошнотворной.

Сидеть рядом со Славой – пытка.

Каждая клеточка моего тела помнит его тепло, его запах, его смех. А теперь – только холодная стена отчуждения.

Мои пальцы впиваются в колени сквозь тонкую ткань юбки. Больно.

Он поворачивается ко мне. Не полностью, чуть развернув плечо. Его взгляд скользит по моему лицу, оценивающий, осторожный.

— Карина, – голос его тихий, ровный. Тот самый, которым он когда-то уговаривал меня не волноваться перед родами. — Я... планирую познакомить мальчиков с Машей. В эти выходные.

Я резко поворачиваю голову к окну, где за толстым стеклом копошится серый город. Хмыкаю. Коротко, сухо. Что еще можно сказать? Благословить?

Он ждет секунду. Потом продолжает, терпеливо, как ребенку объясняет:

— Я подумал... Возможно, ты захочешь присутствовать. При знакомстве. Чтобы... — вздыхает, — увидеть, как она с ними будет. Как отнесется. Чтобы у тебя не было лишних тревог потом.

Он делает паузу, будто давая мне вникнуть.

— И... твоё присутствие, возможно, снимет часть их агрессии, страха, паники... но если ты против... Я пойму.

Еще пауза. Глубже и напряженнее. Его пальцы слегка постукивают по полированному дереву подлокотника кресла. Тук-тук-тук.

Этому стуку вторит пульсация в висках.

— Но, Карина, — он смотрит прямо на меня, и в его глазах — не злость, а какая-то усталая настойчивость, — тебе, возможно, не стоит сейчас отстраняться от сыновей. Впереди... опеки и их проживания. Они уже в том возрасте, когда их мнение будет решающим. Им нужно знать, что ты рядом.

Молчу. Словно язык прилип к небу. Горло сжато тисками. Что я могу сказать? Что видеть его — невыносимо? Что мысль о его Маше рядом с моими сыновьями — мой личный кошмар? Что я боюсь этого выбора, который им предстоит?

Смотрю в окно на мокрые крыши.

Он вздыхает. Тихо. И тоже замолкает. Его постукивание по подлокотнику становится чуть громче, ритмичнее. Тук... тук... тук... Отсчитывает секунды нашего общего молчания, нашего общего конца.

Дверь открывается. Адвокаты возвращаются. Улыбаются дежурно-профессиональными улыбками. Несут аккуратные папки с золотыми тисненными буквами.

— Вот ваши экземпляры, все заверено, подшито, печати...

Я вскакиваю так резко, что кресло скрипит. Хватаю свою папку, почти вырываю ее из рук женщины. Бумага тяжелая, официальная, смертельная.

— Спасибо, — выдавливаю что-то похожее на слова и устремляюсь к выходу. Ноги ватные, но я заставляю их двигаться быстро. Надо уйти. Сейчас же. Пока не рухнула здесь, на этом холодном полу.

Голос Славы останавливает меня у самой двери. Я замираю, не оборачиваясь. Спина напряжена как струна.

— Я до вечера буду ждать твой ответ. Мне надо и Машу предупредить, если ты будешь присутствовать. Ей тоже непросто.

Я медленно, через силу, поворачиваю голову. Наши взгляды встречаются через всю длину переговорной.

Его глаза, но не злые. Не торжествующие. Не холодные. В них... терпеливое ожидание. Готовность принять любой мой ответ — крик, молчание, согласие или отказ.

И глубокая, невысказанная усталость от всего этого кошмара, который он сам устроил.

Как тяжелый, неудобный груз. В этом взгляде нет любви. Но нет и ненависти.

Есть лишь обреченная решимость идти до конца по выбранному пути и... эта странная, неистребимая терпимость ко мне, к моей боли, к моему горю. Как будто он взял на себя роль палача и сиделки одновременно.

И я бы приняла и поняла его взгляд, если бы сама не любила.

— Я тебе позвоню вечером.

Резко дергаю ручку двери и выхожу в прохладный коридор. Бегу. Бегу от его терпения, от его щедрости, от его новой жизни, в которой мне нет места. Бегу, прижимая к груди папку с печатями, скрепившими мое фиаско.

8 10 лет назад

Дверь новой квартиры захлопывается за нами с глухим, слишком громким звуком. Эхо разносится по просторному, еще неуютному холлу. Воздух пахнет свежей краской, новым ковром и... чужим. Чужой жизнью. Моей новой жизнью. Я чувствую, как Костя и Гриша застыли по бокам. Напряженные, молчаливые и протестующие.

— Вот мое новое логово, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без фальшивого оптимизма. — Раздеваемся.

— Привет, — тихий голос заставляет нас поднять головы.

Маша стоит в дверях гостиной, сжимая край свитера. Улыбка натянутая, настороженная.

— Здравствуйте, Костя, Гриша.

Голос дрожит чуть слышно. Она пытается поймать мой взгляд, ищет защиты.

Молчание. Гулкое, как пустота в старом доме Карины.

Потом — взрыв. Костя резко дергает плечом, сбрасывая куртку прямо на пол. Гриша, подражая брату, швыряет свой пуховик следом. Две кучи ткани — черный протест на светлом паркете.

Затем Костя скидывает грязные кроссовки в сторону вешалки. Они падают на паркет с глухим стуком. Гриша, глядя на брата, копирует движение, только его кеды летят дальше.

— Поднимите куртки и аккуратно поставьте обувь, — голос вырывается резче, чем хотелось.

Я ловлю Костю под локоть, мягко, но не позволяя отстраниться.

Гришу — за плечо. Чувствую, как их мышцы напряглись под пальцами.

— Здесь уважают порядок. Понятно?

Костя смотрит куда-то мимо меня, в стену. Гриша бурчит что-то неразборчивое под нос.

Мария мгновенно кидается к брошенным курткам:

— Я сама...

— Маша, стой. — Мой голос останавливает ее на полпути. Она замирает, сжимая в руках Гришину куртку. — Пусть сами. Это их вещи. Их ответственность.

Костя смотрит на меня. В его темных глазах — вызов, ненависть, обида. Он резко наклоняется, хватая свои кроссовки, топает к вешалке и швыряет их в угол подставки с таким видом, будто делает мне одолжение. Гриша, вздохнув, подбирает кеды и осторожнее ставит рядом. Потом берет у Маши свою куртку и вешает на крючок вешалки.

— Кстати, я Маша, — повторяет она тише, пока мальчики возятся с обувью. — Рада вас видеть.

Костя выпрямляется, окидывает ее холодным взглядом с ног до головы.

— Жрать охота, — заявляет он, игнорируя представление. Голос хриплый, грубый.

Мария не моргнув, отвечает легкой улыбкой, хотя вижу, как напряглись уголки ее губ.

— Отлично! Как раз стол накрыт. Пойдемте на кухню? Я приготовила курицу с картошкой, как любит... как говорил ваш папа. И пирог яблочный.

— Всех достали уже, — бормочет Гриша, но плетется за братом в сторону кухонного проема. Его взгляд скользит по новой мебели, по картинам на стенах — все здесь чужое, непривычное. Как и эта женщина.

Маша задерживается на секунду, ждет, пока мальчики скроются за дверью. Поворачивается ко мне, ее лицо близко. Чувствую тонкий, ванильный шлейф ее духов, смешанный с запахом запеченной курицы из кухни. Она шепчет, почти беззвучно:

— Слава... Карина? Она точно... не придет? Не передумала? Может, подождать еще?

Глоток воздуха кажется ледяным. Представляю ее — Карину. В нашем... в ее пустом доме. Сидит ли она сейчас на кухне, обхватив локти? Смотрит в окно на наш старый двор? В

доме, где все пахнет прошлым, детьми, нами. Где теперь так тихо. Где она совсем одна. Камень вины снова давит на грудь.

— Нет, — отвечаю тихо, резко. — Не придет. Не ждать. Она... отказалась.

Маша кивает, понимая, но в ее глазах мелькает тень облегчения. Ей и так страшно. Я притягиваю ее к себе, обнимаю за плечи, вдыхаю ваниль. Она теплая, живая. Моя.

На секунду вина из груди исчезает, но она вернется, и я опять вернусь мыслями к Маше, которую оставил.

Но быть с ней я больше не мог... Нельзя быть с женщиной из-за долга, из-за чувства вины, из-за благодарности за прошлое. С ней надо быть по любви, а иначе... женщина рядом станет отвратительной до тошноты.

И у Карины будет возможность быть с тем, кто ее будет любить, желать, жаждать...

— Они будут испытывать тебя, Маш, — шепчу в очаровательное маленькое ушко. — На прочность. На терпение. Будь готова. Это... непросто.

Она отстраняется ровно настолько, чтобы посмотреть мне в глаза. Ее лицо серьезно, решительно.

— Я готова, Слава. Я понимаю. Я...

Ее слова тонут в грохоте и звоне бьющегося стекла, доносящихся с кухни. Потом — приглушенный, но яростный вопль Кости:

— Да блин! Черт!

Обмениваюсь с Машей быстрым взглядом. Испытание началось. Раньше, чем я ожидал. Мы почти бежим на кухню.

Картина хаоса. На полу возле стола — осколки большой стеклянной формы для запекания. В луже золотисто-коричневого соуса и кусочков овощей лежит перевернутая курица. Запах специй, чеснока и горячего жира ударяет в нос, смешиваясь с резким запахом разбитого стекла. Костя стоит посреди этого месива, лицо багровое от злости. В его руке — оторванная куриная ножка. Он откусывает от нее большой кусок, с яростью жует, не глядя ни на кого. Соус капает ему на растянутую толстовку. Гриша стоит в стороне, а в его руках — противень с яблочным пирогом.

— Что... что случилось? — спрашивает Маша, голос дрожит.

— Уронил! — выкрикивает Костя, брызгая крошками мяса. Жует агрессивно, с вызовом глядя на меня. — Я нечаянно! Ну и что? Твоя курица дерьмо, слишком сухая!

Он врет, что нечаянно. Это был осознанный вызов. Я чувствую, как Маша напрягается рядом, готовая броситься убирать, извиняться. Кладу ей руку на предплечье, останавливаю.

Смотрю на Костю. Не на беспорядок. На него. На его гнев. На живое, пусть и искаженное злобой, лицо.

Мои сыновья не закрылись наглухо. Они бунтуют. Бунтуют, потому что любят, а, значит, контакт возможен. Значит, не все потеряно.

Я все равно им нужен, поэтому из них прет агрессия.

— Гриша, — говорю я спокойно, глядя на младшего, — оставь в покое пирог, и принеси, пожалуйста, веник и совок.

— К черту тебя, — рычит с набитым ртом Костя.

Но он не убегает. Он остается на кухне. Пусть смотрит на меня с ненавистью, но он все еще тут.

— Ладно меня и Машу ты лишил курицы, — хмыкаю я, — но ты и брата оставил курицы.

— Да пофиг, — фыркает Гриша, но я вижу, что ему не пофиг.

— И я ведь, как знал, — прищуриваюсь на Костю с вызовом, — купил две курицы. Сейчас тут приберемся и запечем вторую.

— Козел, — шипит мой старшенький.

— А ты эгоист, — пожимаю плечами, — о родном брате забыл.

Гриша отворачивается, поджимает губы, а Костя выдыхает через нос. Первая спесь сбита. Жаль, что Карины нет. Именно сейчас и она могла бы выстроить свой авторитет перед сыновьями, но...

Я понимаю. Ей больно.

9 10 лет назад

Край стула впивается в заднюю часть бедер через тонкую шерсть юбки.

Рядом, за другим столом, сидит Слава. Его профиль резок, непроницаем. Тот же деревенско-пряный шлейф одеколона, что и в кабинете адвоката, бьет мне в нос, смешиваясь с цветочным парфюмом судьи.

Сыновья сидят рядом со мной, но будто за километр. Костя, мой старший, четырнадцатилетний скелет в рваных джинсах и черной толстовке, уставился куда-то в пол между своими огромными кроссовками. Его поза – сплошное "поскорее бы это закончилось".

Гриша, двенадцатилетний, съежился, пальцы белеют от того, как он сжимает край стула. Его щека, еще детская, пухлая, подрагивает. Я хочу положить руку ему на колено, успокоить, но боюсь, что он отшатнется. Как последние недели после знакомства с Машей.

Меня там не было. Я отказалась от этой экзекуции, но, видимо, зря. Слава был прав: мне стоило прийти, ведь я бы тогда не гадала, как прошла встреча, какие разговоры велись и, может быть, сыновья были бы ко мне сейчас помягче.

Судья – женщина с усталым, но внимательным лицом и строгой пучком седых волос – смотрит на мальчиков поверх очков. Голос у нее ровный, профессиональный, но в нем есть металл.

— Константин, Григорий, — начинает она.

Мои мальчики вздрагивают, поднимают головы. Гриша глотает и поджимает губы.

— Суд обязан выяснить ваше мнение, — поправляет очки, — условия проживания и у матери, и у отца признаны удовлетворительными. Каждый из родителей в состоянии вас содержать, и они настаивают на совместной опеке, попеременном проживании. Но мне важно услышать вас. Возможно, вы бы предпочли постоянное проживание с кем-то из родителей. С мамой или с папой? Постарайтесь объяснить, почему.

Тишина в зале становится густой, давящей. Слышно, как скрипит ручка у секретаря. Я чувствую, как кровь отливает от лица, оставляя кожу ледяной. Вот оно. Приговор. От детей.

Костя первым поднимает взгляд. Не на меня. На судью. Его лицо – маска циничного безразличия, но в уголках губ – знакомое мне с детства упрямство. Голос глухой, отрешенный:

— Совместная опека. Нормально.

— Угу, — Гриша кивает. — пусть будет так.

Гриша ерзает на стуле, его пальцы впиваются в край стула еще сильнее. Он бросает быстрый, виноватый взгляд на отца, потом в пол. Голосок тонкий, дрожащий:

— Мы... мы с папой говорили. Он сказал... что так честнее. Для всех. Чтобы и с мамой... тоже.

Мой заботливый палач. Он не просто разрушил наш мир – он теперь диктует детям, как им справедливо распределить осколки разбитой семьи между нами. Он убедил их, что нельзя забывать бедную мамочку. Опекун. Наставник.

Я сжимаю руки на коленях.

Костя фыркает, его голос то поскрипывает, то гундосит. Ломается.

— Да, честно. А вообще, я как-нибудь четыре года перетерплю. Потом свалю в универ. И будет мне пофиг, — Он отводит взгляд в окно, — отмучаюсь.

Гриша мрачнеет еще больше, его нижняя губа начинает предательски дрожать. Костя резко наклоняется к брату, заслоняя его от взглядов взрослых. Шепчет что-то быстрое, жаркое, прямо в ухо. Я ловлю обрывки: "...найду... универ с колледжем... после девятого ты тоже вместе со мной свалишь..... вместе, братан... Главное — перетерпеть..."

Перетерпеть. Перетерпеть жизнь. Перетерпеть меня. Перетерпеть мое уныние. Перетерпеть новую любовь отца. Четыре года каторги – и свобода. От всего. От нас. От этого ада, который мы им устроили.

Судья внимательно смотрит на них, потом переводит взгляд на нас с Славой. Ее лицо становится строже.

— Госпожа Грознова, господин Грознов, — ее голос звучит отчетливее, с ноткой упрека, направленной явно в мою сторону. — Вы обращались к семейному психологу? Все вместе? Вчетвером? Работали над тем, чтобы помочь детям пережить этот кризис? Чтобы наладить контакт?

Слава нервно проводит рукой по волосам. Его взгляд тяжелый, утомленный, скользит ко мне. В нем – ожидание, вопрос, и... что-то вроде укора.

Я поднимаю подбородок. Голос звучит чужим и пустым:

— Не вижу смысла.

Слава глухо вздыхает.

— Я пытался уговорить Карину. Неоднократно. Предлагал найти специалиста, пойти вместе. Получил твердый отказ, — говорит так, как будто докладывает о непослушном подчиненном.

— Долго мы еще тут будем торчать? — раздраженно цыкает Костя, вертя в руках телефон. — Утомили.

Судья смотрит прямо на меня. Ее взгляд жесткий, разочарованный. В нем нет сочувствия — только холодная констатация моей материнской несостоятельности.

— Госпожа Грознова, — говорит она отчетливо, отчеканивая каждое слово. — Разве вы не видите? Разве вы не понимаете, как им сложно? Как им сейчас нужна ваша поддержка? Ваша защита? Материнская забота? Они же дети!

10 10 лет назад

Внезапно встает Слава. Стремительно. Его стул громко скрипит по полу. Его лицо напряжено, в глазах – вспышка чего-то, похожего на гнев. Но не на меня. На судью.

— Прошу вас, — его голос низкий, контролируемый, но в нем сталь. — Не переходите грань. У мальчишек сложный возраст. Гормоны. Бунт. Это нормально. Карина... — он делает едва заметную паузу, — ...старается. Из всех сил.

Он защищает меня. Опять.

Защищает перед судьей, как неуправляемого подростка.

"Старается".

Как будто я глупая девочка, которая плохо учит уроки. Эта снисходительная защита жжет сильнее любых обвинений. Я чувствую, как по щекам ползут предательски горячие слезы. Быстро смахиваю их тыльной стороной ладони. Запах крема – сладковатый, приторный – смешивается с соленым вкусом слез на губах.

Черт, все же дала слабину.

Судья смотрит на него, потом на меня, потом на мальчиков. Молчит секунду. Потом кивает, резко, будто ставя точку.

— Хорошо. Учитывая мнение детей и позицию родителей... Совместная опека утверждается. Попеременное проживание по согласованному графику. Сегодня решение будет направлено в ЗАГС. Свидетельство о расторжении брака будет готово через месяц.

Это все. Приговор подписан.

Сыновья с шумом вскакивают, как по команде. Стулья грохают. Не глядя ни на кого, они бросаются к выходу. Их спины – Костина угловатая, Гришина еще детская – говорят только об одном: "Свобода!".

Они выскакивают в коридор.

Я автоматически встаю, спотыкаясь. Сердце бешено колотится, в ушах звон. Надо... надо хоть что-то сделать. Хоть как-то удержать связь. Хоть на ниточке. Торопливо выхожу за сыновьями.

— Ребят! — кричу я им вдогонку, голос срывается в полусшепот. — Подождите! Может... может сходим в кафе? Газировку? Мороженое? Поболтаем, а потом в парк?

Они останавливаются в пустом коридоре, оборачиваются и хмурятся. Костя тоже выходит за нами, и его взгляд – смесь сочувствия и усталости.

— Ма, мы не малыши, какая, блин, газировка, — Костя бросает ледяным тоном.

Гриша лишь мотнул головой, глаза полны немого укора, и они шагают прочь от меня.

Я стою в коридоре, опустошенная. Стены и потолок на меня давят. Дышать тяжело.

— Стоять! — голос Славы режет воздух. Он шагает вперед, за сыновьями.

В его тоне – не привычная терпеливая мягкость, а стальная команда. Та самая, от которой раньше замирали даже самые отчаянные подчиненные. Мальчики вновь притормаживают, оглядываясь.

В их позах – остатки бунта, но уже смешанные с привычным отцовскому авторитету страхом. К отцу еще осталось уважение, но не ко мне.

— Успокойтесь и пошли с матерью в кафе. Немедленно. И хватит здесь характер свой показывать. Это начинает меня утомлять. И терпение мое не безгранично.

Он поворачивается ко мне. Лицо все еще напряжено, но взгляд... этот взгляд. Все тот же. Усталый, терпеливый, снисходительный.

— Карина, – говорит он уже мягче, но все равно как приказ. — Я тогда подкину вас. Видел, ты на такси приехала.

Он делает шаг в мою сторону, будто собираясь взять под руку, как тогда, в парке.

— Немного заземлю пацанов, — слабо улыбается.

В этот момент что-то внутри меня рвется. Эта вечная опека! Эта вечная снисходительность! Эта его уверенность, что он знает, как мне лучше! Как нам всем лучше! Я резко разворачиваюсь к нему лицом. Глаза горят, щеки пылают. Голос дрожит, но звучит громко, отчетливо, впервые за долгие недели – без тени смирения:

— Что если они не хотят? Что если они не хотят сейчас быть со мной? Я не буду настаивать. Не буду их заставлять!

Слава замирает. Его брови чуть приподнимаются. В глазах – не гнев, а... удивление? Разочарование? Как будто его послушная ученица вдруг нагубила учителю. Он качает головой, и в этом движении – вся его бесконечная, выматывающая терпимость.

— Карина, — он произносит мое имя с протяжной усталостью. — Ты же взрослая женщина. Должна понимать. У них подростковый бунт. Гормоны. Им хочется показать, что они независимы. Что они против всего мира. Не надо на это обижаться. Надо быть... — он ищет слово, — ...пожестче. Тверже. Показать, кто главный. А иначе...

Он замолкает. Взгляд его становится тяжелым, предупреждающим. В этом "иначе" висит нечто невысказанное, но страшное. Что? Что они окончательно оттолкнутся? Что я их потеряю?

Весь коридор, информационные доски, стены, и даже уходящие фигуры сыновей – все расплывается. Остается только Слава. Его лицо. Его терпение. Его убийственная снисходительность. И этот страшный, недоговоренный "иначе".

— Иначе что? — вырывается у меня. Голос – хриплый шепот, полный отчаянного вызова, надрыва и ледящего страха. — Иначе что, Слава?

Тишина в коридоре суда становится абсолютной. Слава выдыхает. Его скула чуть дергается:

— Ты их потеряешь

11 9 лет и около 6 месяцев назад

— Он хороший человек? — спрашивает Слава, и в его голосе я не слышу ревности, злости, только родное беспокойство.

Я молча киваю и делаю глоток горячего шоколада. За окном кофейни — неприятная холодная слякоть. Весна в этом году пасмурная, мокрая и пронизывающая.

— Значит... — Слава задумывается, — ты уже готова знакомить мальчиков с Андреем? Опять ни ревности, ни злости и мужского возмущения.

Беспокойство.

Встревоженность.

И все.

— А ты против? — спрашиваю я довольно резко и сердито смотрю на бывшего мужа, который лишь вскидывает бровь.

Шоколад горчит на языке, а от чужого парфюма тошнит.

— Нет, не против, — Слава, как обычно, мягко улыбается. — если...

— Я беременна. От Андрея.

Отрезаю резко. Глотку схватывает спазм. То ли обиды, то ли злости.

Слава поднимает бровь выше, а после улыбается. Опять без ревности.

— Это... же замечательно?

С Андреем я познакомилась четыре месяца назад. В середине декабря. Я пошла в театр. У меня был опять свободный вечер: мальчишки уехала к отцу, мрачные и злые, а я решила сбежать из пустого дома.

На антракте у буфета я разговорилась с приятным вежливым мужчиной. Андреем.

Инженер-архитектор, в тридцать пять лет разведен, без детей... Собственно, из-за отсутствия детей с ним и развелись пять лет назад.

Приятный в общении, теплый, уютный, уравновешенный флегматик. Мне с ним... спокойно.

Даже наша первая близость, которую я позволила себе в отместку Славе, была тихой. мне даже понравились его медленные поцелуи, неторопливые ласки...

Встряхиваю волосами и улыбаюсь.

— Да, это замечательно. Я вновь стану мамой.

Только радости как таковой нет.

Той радости, которая рвала меня изнутри, когда я узнавала о беременности от Славы. Я знаю, что я уже люблю горошинку внутри себя. Знаю, что буду хорошей мамой. Знаю, что Андрей будет рад...

Знаю, что все будет хорошо, но восторга нет. Все тихо, спокойно и уютно.

— Я тебя поздравляю, — Слава улыбается и накрывает мою ладонь своей, а после ее сжимает. — Я рад за тебя... И, может, я наглею, но... я бы тоже хотел познакомиться с Андреем.

Задерживаю дыхание.

Мне горько и больно признаваться, что я ждала от Славы ревности. Хотя бы искорки. Маленькой искорки.

Крошечной.

Но... ее нет.

— Я не буду настаивать, — продолжает Слава. — Да, познакомиться Андрея с мальчиками надо, а мое присутствие опционально...

— И ты не против быть на этом знакомстве?

— Я считаю, что я должен быть, — он хмурится, — я бы пацанов смог проконтролировать, сдержать... мы же не знаем, как они отреагируют на Андрея и на новость о твоей беременности...

— Это забавно, что такую новость скажу первой я, а не... — хмыкаю, — не твоя Мария... И опять я попыталась уколоть Славу, уязвить его мужское эго, но он улыбается:

— Всему свое время, — пожимает плечами. — Маша, конечно, хочет малыша, но... у нее вот удаляли полипы.

— Я не знала...

— Да, несколько штук на прошлом узи увидели, — кивает и немного бледнеет.

Понимаю, что он испугался тогда за Машу.

— Полипы это не страшно, — сглатываю.

— Да, мне тоже так сказали.

— Ясно.

Неловкая тишина между нами натягивается. Я вновь смотрю в окно.

Я не была на знакомстве мальчиков с Марией, и это была моя первая главная ошибка, которая нас с сыновьями отделила друг от друга, а ведь Слава говорил об этом...

Усмехаюсь.

А теперь я должна согласиться, что он обязан присутствовать на знакомстве Кости и Гриши с Андреем. Его уверенная сила и спокойствие заземлит мальчиков и не будет новых истерик, но...

Все равно мальчики отдалятся от меня еще больше. Новый мужчина, новый ребенок...

— Они уйдут жить к тебе, — констатирую факт и опять смотрю на Славу. — Окончательно, Слав.

— Мы можем урегулировать этот вопрос...

— Ты же все прекрасно понимаешь, — не могу выдержать его взгляд и опускаю глаза. Касаюсь уголка салфетки. — Мальчики никогда не принимают новых мужей мам... Женщину отца они могут принять, а с мамой... Все иначе.

— С ними будет проведена ни одна воспитательная беседа.

Резко поднимаю взгляд в надежде застать врасплох бывшего мужа, но в его глазах все то же родное беспокойство и желание приободрить меня.

— Хорошо, Слав, — киваю я и натягиваю улыбку, — тогда ничего не планируй на вечер этой пятницы.

Касаюсь экрана телефона.

18:15.

— Мне пора, — встаю, — мы сегодня с Андреем в оперу.

— Не знал, что ты любишь оперу, — улыбается и лезет в карман пиджака за портмоне.

А я ее не люблю. Я и в театр пошла четыре месяца назад не по любви, по желанию заткнуть тоску в груди, ведь все говорят, что нельзя засиживаться дома в одиночестве.

— Я тоже многого о себе не знала, — подхватываю сумочку за тонкие кожаные ручки. — Раньше свиданки были на набережке с холодными пирожками и чаем в термосе, а теперь... — смеюсь, — по операм расхаживаю.

12 9 лет и 6 месяцев назад

— Мальчики... — шепчет Мария. — Привет.

Гриша и Костя проносятся мимо Маши, исчезают в комнате и хлопают громко дверью. Чую, нам обеспечены несколько недель психов и молчания.

Я снимаю туфли и медленно опускаюсь на пуф.

Пахнет в квартире сдобными булочками и чем-то мясным. Как же хорошо дома.

— Они ужинать будут? — спрашивает Маша.

— Оставим на плите, а они ночью выползут, как обычно, — улыбаюсь. — Как два маленьких злых таракана.

Маша смеется, подходит ко мне и опускается на мое правое колено. Обеспокоенно спрашивает:

— А как знакомство прошло.

— Прилично, — киваю, — столы никто не переворачивал.

Парни весь вечер молчали.

Ни слова не сказали Андрею. И даже на новость о беременности Карины промолчали. Лишь крепче сжали зубы. Она пыталась их разговорить, но ничего не вышло, а потом они буркнули, что поедут ко мне.

И Андрей, мне показалось, выдохнул с облегчением.

— И как тебе Андрей? — спрашивает Маша.

Прячу лицо в ее груди. Делаю глубокий вдох. Пахнет ее кожа ванилью и немного сиреневым мылом.

— Ну... — поднимаю взгляд, — тихий, воспитанный и образованный. — Но... вряд ли будет авторитетом для мальчиков. Надеюсь, что ошибаюсь.

— Главное, чтобы ты был авторитетом...

— Отчим тоже должен уметь себя поставить, Маш, — слабо улыбаюсь. — Это не сможет, даже если захочет. Но... он даже не захочет этого.

— Мужчины вообще с чужими детьми тяжело сходятся...

— Да никто не ждет, чтобы он начал играть папочку, Маш, но если у пацанов не будет уважения к мужику, то... они ему морду просто однажды набьют, — усмехаюсь. — Послать будут в открытую.

— Но это не твоя проблема, — Маша хмурится. — Уважение к Андрею — не твоя зона ответственности. Ты же это понимаешь?

— Думаешь, в такой ситуации будет уважение к матери? — горько хмыкаю я. — Пока Карина была одна, я мог пацанов встряхнуть и напомнить, что она мама, а теперь... я не знаю, как тебе объяснить, — хмурюсь, — теперь уважение к ней зависит от Андрея. Это мальчики, Маша. Мои серьезные разговоры о том, что к маме надо быть терпимее...

— Поняла, — кивает, — я поняла тебя.

Она хмурится и смотрит в сторону. Боится, что парни однажды могут уйти к нам с концами жить?

— Мы как-нибудь справимся, — Маша вновь смотрит на меня с улыбкой. — Но Сама Карина как?

— Ей будет хорошо рядом с Андреем, — говорю я. — Он будет о ней заботиться, любить...

Я все же боялся, что когда увижу Карину рядом с другим мужчиной, то во мне разыграется что-то мужское. Что-то из прошлого и я, как придурочные бывшие, начну страдать, но ничего не вспыхнуло.

Я пожал руку Андрею без тени злости или ревности. Лишь отметил про себя, что рукопожатие у него сухое и без попытки утвердить свое доминирование и власть.

Но я оцениваю так каждого, кто жмет мне руку, и у Андрея обычное рукопожатие, как у многих мужчин, которые живут и работают, но не пытаются прыгнуть выше головы.

Он не слабак, не рохля, но и не тот мужик, который сможет вызвать в бунтующих подростках уважение.

И встреча с Андреем убедила меня в том, что я поступил правильно, когда решил развестись.

К Карине ничего не осталось, кроме родной любви, как к очень близкому человеку. Я бы не смог так долго протянуть.

В итоге я бы ее возненавидел.

— А я... — Маша пробегает пальчиками по моей щеке, — была у гинеколога...

— Так, — заинтересованно прищуриваюсь, — продолжай...

— Она сказала, что у меня там все чистенько, — выдыхает в губы, — что после этих месячных мы можем активно работать над малышом... — замирает и виновато спрашивает, — или не время, Слава?

— Ты из-за пацанов беспокоишься?

Она кивает, и в глазах выступают слезы:

— Мы можем отложить.

— Ничего мы не будем откладывать, — обхватываю ее лицо и серьезно заявляю, — я хочу от тебя детей. Хочу.

Она всхлипывает и утыкается мне влажным лицом в шею:

— Может быть, хотя бы сейчас Карина поговорит со мной? — печально вздыхает. — Раз новый мужчина, то она отпустила тебя и готова понять меня? И я рада, что она нашла себе мужчину, а то ведь могла остаться одна... Это было бы очень грустно.

— Может, быть вам стоит честно поговорить, — соглашаюсь я. — Думаю, Карина готова закрыть все свои обиды и жить дальше.

13 9 лет и 4 месяца назад

Я сижу на кухне, пытаюсь заставить дрожащие пальцы нарезать салат, а из гостиной доносятся приглушенные, но все более резкие голоса. Андрей пытается что-то объяснить мальчикам – спокойно, слишком спокойно, этот его вечный флегматичный тон. А в ответ – ледяные замечания Кости, ехидное поддакивание Гриши.

"Пора," – шепчет какой-то внутренний сторож, когда голоса становятся громче и уже превращаются в крики.

Я бросаю нож. Огурец катится по столу, оставляя мокрый след. Сердце колотится где-то в горле, перекрывая дыхание.

Дверь в гостиную приоткрыта.

Костя стоит, выпрямившись во весь свой угловатый, почти взрослый рост. Лицо перекошено презрением. Гриша примостился на краю дивана, поджав губы, но глаза – мои серо-голубые глаза – горят злым, наглым огоньком.

Андрей перед ними. Мой тихий, уравновешенный Андрей. Его лицо – багровая маска. Он в ярости.

Самое страшное – его правая рука. Она занесена. Ладонь раскрыта, пальцы напряжены до белизны в суставах. Она замерла в воздухе, нацеленная на щеку Кости. Готовится опуститься со всей силой униженного мужчины.

— Прекратите, — рявкаю я. — Что у вас опять случилось?

Рука Андрея дергается и застывает. Он резко оборачивается ко мне, глаза широкие, полные стыда и неконтролируемой ярости. Костя... Костя смеется. Коротко, цинично, глядя прямо на Андрея.

— Мамка тебя спасти прибежала! – выплевывает он. Смех обрывается, сменяясь холодной ненавистью. — Ну, давай ударь. Попробуй.

Андрей опускает руку. Весь трясется — видно, как дрожат пальцы, как ходуном ходит кадык. Он пытается вдохнуть, но получается только хриплый звук.

— Хватит! — Его голос — рычание, выдавленное сквозь стиснутые зубы. — Хватит меня выводить! Я прошу... Я требую элементарного уважения!

— Какого уважения?! — врывается Гриша. Он вскакивает с дивана, лицо красное, слезы гневные наворачиваются на глаза, но он их яростно смахивает. — Какого?! Ты приперся жить в дом, который купил наш папа! В дом, который построил наш папа! В наш дом, урод!

Слова Гриши — как удар под дых. Точнее некуда. Дом. Этот красивый, светлый дом в хорошем районе. Да, Слава его купил, когда его бюро пошло в гору. Вложил в него душу, выбирал планировку. Андрей переехал сюда пару месяцев назад. Я настояла.

Мальчики молчали. До сегодня.

— Вы хоть мать пожалейте! — кричит Андрей, указывая на мой живот. Его палец дрожит. — Сколько можно нервы ей трепать! Она беременна!

— О, как по-мужски! — Гриша фыркает, подражая брату. — Опять за мамкину юбку спрятался? Когда нечего сказать?

Воздух выжигает легкие. Паника, липкая и холодная, обволакивает меня. Мою матку будто сжали внутри меня тисками. Я делаю шаг вперед и инстинктивно кладу ладонь на округлившийся живот. Всего третий месяц, а животик уже немного выпирает.

— Ребят... Пожалуйста... — Голос мой предательски дрожит, срывается на шепот. Слезы подступают, горькие, соленые. — Успокойтесь... Пожалуйста... Я понимаю, вам тяжело... Мне тоже... Андрею тоже... Но давайте... давайте просто попробуем поговорить? Честно? Как нам психолог советовал? Без криков... Пожалуйста...

Они смотрят на меня. Костя — с ледяным презрением. Гриша — со слезами обиды и гнева. Никакого смягчения. Никакого понимания. Только стена. Ни искры желания слушать.

— Да пошли вы со своими разговорами, — Костя бросает убийственный взгляд на Андрея. — С лохами говорить себя не уважать.

— Костя, пожалуйста, не надо так, — я пытаюсь придать голосу строгость.

Он резко поворачивается и идет к прихожей, к вешалке. Шаги гулкие, полные окончательного решения. Гриша, как тень, следует за ним.

Бросаюсь за ними. Сердце колотится так, что темнеет в глазах. Я хватаю Костю за рукав куртки, которую он уже натягивает.

— Я сюда больше не вернусь, — Костя резко дергает руку. Его взгляд, полный ледяного презрения, прожигает меня насквозь. Он поправляет куртку на плечах, звякая молниями.

Передергивает плечами, открывая входную дверь. Холодный вечерний воздух врывается в прихожую. Пахнет дождем.

Гриша, не глядя на меня, выскальзывает за ним. Дверь захлопывается. Глухой, окончательный звук.

Я отшатываюсь. Спина ударяется о холодную стену прихожей. Нет сил стоять. Прижимаю мокрую от пота ладонь ко лбу. Мои мальчики... ушли. Окончательно.

Они не примут Андрея.

Шаги. Андрей встает рядом со мной. Его лицо все еще красное, но ярость сменилась растерянностью. Он кладет руку мне на плечо. Хочет притянуть меня к себе и обнять, но я отстраняюсь.

Голова кружится.

— Пусть идут, — продолжает он, с каким-то странным облегчением в голосе. — Пусть поживут пока с отцом. Так... так будет правильнее. Для всех. Для них, для тебя, для нас... Тебе сейчас нельзя нервничать...

Я перевожу на него взгляд и понимаю, что и Андрей не примет моих сыновей.

— ты должна подумать о нашем ребенке, — говорит он.

— А о моих сыновьях я не должна думать? — в шоке спрашиваю я.

— Ты им не нужна, — Андрей хмурится, — они тебе это уже в который раз показывают.

14 9 лет и 3 месяца назад

Веранда. Запах мокрой поздней сирени и недавно постриженной травы смешивается со терпким ароматом чая в моей чашке.

Теплый июньский воздух обволакивает, но внутри – холодно и напряженно. Я в таком состоянии уже месяц.

Месяц мои сыновья отказываются со мной говорить и видеться.

Я сжимаю фарфор, пытаюсь впитать хоть каплю тепла. Напротив – Маша. Ее лицо спокойное, умиротворенное.

— Карина, все хорошо, – ее голос мягкий. Она отодвигает прядь каштановых волос. Они... они психуют, конечно, но мы со Славой... мы дышим ровно. Терпим. Не давим, — Она делает маленький глоток чая, — Как только самые острые колючки пригладим... они будут готовы и с тобой поговорить. Возраст такой...

Вдруг мои сыновья найдут в ней то, чего недодала я? Вдруг ее тишина, ее ванильное спокойствие заменят им материнское тепло? Вдруг они ко мне остынут окончательно.

И у меня нет никаких рычагов давления на сыновей, а Маша будто читает мои мысли и говорит:

— Я не пытаюсь им заменить маму, — слабо улыбается, — маму никто не заменит.

Ее рука – теплая, мягкая – ложится поверх моей ледяной.

— Карина, слушай меня, — ее голос становится тише, но тверже. Сейчас... сейчас в твоём положении... — она чуть выделяет слово, — ...важен покой. Для тебя и малыша.

— Для мальчиков, — Маша продолжает, не замечая, как я впилась в нее взглядом, — беременность матери... это всегда сложнее. Больнее. Чем когда... ну, когда у отца появляется ребенок от новой женщины. Видимо, мужская ревность к маме играет...

Она чуть смущенно опускает глаза.

Она замолкает. Румянец заливает ее щеки. Она отводит взгляд, нервно берется за чашку, подносит ее к губам, будто пытаюсь спрятаться за тонким фарфором. Ее пальцы слегка дрожат. Этот жест... этот внезапный стыд...

Я вдруг понимаю, что... Маша беременна от Славы. У них получилось.

— Какой срок? — тихо спрашиваю я.

— Ты не поверишь... — она поднимает на меня взгляд. — Два месяца уже... Наши детки будут ровесниками. Разница будет совсем небольшая...

Озноб пробегает по плечам от ее улыбки.

В кармане кардигана на бедре вдруг – жужжание. Вибрация. Резкая, навязчивая. Телефон. Я машинально лезу в карман, пальцы нащупывают холодный пластик. Вытаскиваю. Экран светится: "Андрей".

Глоток воздуха. Мое спасение от Маши?

Подношу трубку к уху. Голос вырывается сам, хриплый, но пытающийся быть нормальным: "Да, милый?"

Тишина в трубке. Нехорошая тишина. Тяжелая. Прерывистое дыхание. Потом – хрип. Сдавленный, мучительный. Будто кто-то пытается говорить сквозь тряпку, зажатую в горле.

— Ка... Карина... – Андрей. Но это не его голос. — За... задержусь...

Потом – резкий вдох, переходящий в стон. Глухой. Страшный.

И вдруг – другой голос. Чужой. Мужской. Низкий. Профессионально-ровный, но жесткий. Словно из полицейского протокола:

— Мужчина, лежите спокойно.

И снова Андрей, уже еле слышно, заплетающимся, мокрым от боли языком: — Жену... предупредить... надо... Задер... жусь...

— Андрей?! Что случилось?! Где ты?! – кричу я, вскакивая. — Андрей!

Чашка с чаем опрокидывается. Теплая жидкость растекается по стеклу столика, капает на мои босые ноги. Не чувствую.

— Вашего мужа избили, — тот же чужой голос, четкий, безэмоциональный. Звучит как приговор. — Группа подростков на парковке. Вызов скорой. Едем в приемный покой Первой горбольницы. Приезжайте.

Телефон выскальзывает из онемевших пальцев. Падает на деревянный пол веранды. Глухой стук.

Звук падающего телефона. Запах разлитого чая – горький бергамот. Холодные капли на ногах.

Это мои сыновья постарались. Это они. И за что? За то, что он заботился обо мне? За то, что спасал меня вечерами от тоски? За то, что был рядом теплый, уютный и за то, что готовил мне ужины? За то, что я стала чаще улыбаться и даже смеяться?

За то, что я лишь хотела жить дальше?

Инстинктивно закрываю живот ладонями. Слезы застывают в глазах.

— Карина...

Я наклоняюсь, поднимаю телефон и медленно, будто в трансе, спускаюсь с веранды.

— Карина, что случилось?

— Мне надо в больницу, — сипло отвечаю я, а внизу живота тянет, но я не замечаю это нехорошей боли. — К моему мужу.

15 9 лет и 3 месяца назад

— Костя, ты понимаешь, что ты наделал? — голос Славы вибрирует от ярости. Повышает голос, — Костя! А ну посмотрел на меня!

— Я сделал все правильно!

У Андрея сотрясение, переломы нескольких ребер, трещина в ключице и синяки по всему телу.

Он сказал, что не видел, кто на него напал. Отказался писать заявление, но я знаю, что он в курсе, кто на него напал с друзьями.

Потому что на видео с регистраторов других машин четко видно, как мой сын пинает Андрея, а после заглядывает в лицо моему мужу и что-то с ненавистью ему говорит.

Андрей не хочет, во-первых, портить жизнь Косте и его дебилам-друзьям заявлением, судами и уголовкой.

И, во-вторых, он не желает того, чтобы я отвернулась от него, если он решит наказать мелкого поганца, но который уже по закону может отвечать перед судом. Костя все же мой сын, и за ту вспышку гнева с поднятой рукой Андрей чувствует свою вину.

— Тебе крупно повезло, что Андрей решил не заявлять на тебя! — гаркает Слава.

— Да потому что он лох! — Костя тоже отвечает криком. — Вол и заяву не катает! Думаешь, я боюсь?!

Из своей комнаты выглядывает бледный Гриша. Шмыгает, волчонком смотрит на меня и исчезает.

— А ты, значит, не лох? — голос Славы неожиданно меняется с гнева на горькую насмешку. — Ты у нас не лох, да? Толпой, как шакалье, со спины, — Слава смеется, — нет, не лох, — от его рокота дрожат стены, — ты и есть, Костя, лох, который способен лишь толпой кидаться на человека, который не ожидает нападения!

Костя не отвечает.

Я прижимаю затылок к стене и закрываю глаза.

В квартире Славы пахнет сладкой ванилью и немного горькими цитрусами.

— Он заслужил! — наконец рывкает Костя.

— Ты понимаешь, что твои действия ничего не изменят? Ты это понимаешь? — Слава вновь переходит на спокойный тон. — Мы с твоей мамой развелись. Развелись, Костя. Я теперь женат на другой, а мама твоя замужем...

— Она не должна была выходить замуж... — шипит Костя и что-то пинает и опять кричит, — а она как последняя шлюха залетела непонятно от кого сразу после развода! Выскочила замуж! И ей на все насрать! Лишь бы ноги раздвинуть...

Глухой удар.

Я слышу глухой удар, а после — тишина.

Я заглядываю в комнату.

Слава стоит со сжатым кулаком перед нашим сыном, который привалился к стене и держится ладонью за левую часть лица. Дышит тяжело.

— Слава... — шепчу я. — Так проблему не решить...

— Не лезь, — отвечает мне рыком и не спускает взгляда с Кости. — Что ты вжался в стену, Костя, а? Давай. Я жду, сынок. Я видел, как ты умеешь кулаками размахивать и ногами. Видел, как ты умеешь лежачего пинать. Это же так весело, да? — он резко подается в сторону сына и хватает его за грудки, в бешенстве вглядываясь в злые глаза сына, — или мне ждать, когда ты со спины кинешься на меня?

— Слава, я тебя очень прошу...

— Ты мать шлюхой обзываешь, а она лезет за тебя заступаться, — Слава скалится в жуткой улыбке, — ты ее мужу ребра ломаешь, а она тебя хочет защитить. Тебе насрать на то, что она беременная...

— Да, насрать... — с вызовом отвечает Костя.

— Ты еще и тупой, Костя, — Слава смеется в лицо сына, — знаешь, я понимаю твое желание, чтобы мама и папа были вместе, но... чего ты добиваешься этим выходками? Ты мне объясни, пожалуйста, как мне и твоей маме помогут вновь сойтись твои драки, твои обзывательства, твои нападки на Андрея? Ты мне объясни свою логику!

Он рывком отшвыривает Костю на кровать и делает к нему шаг, разминая шею:

— С мамой никого не должно быть... — Костя начинает трястись, — а потом ты вернешься.

Слава накрывает лицо рукой и медленно выдыхает:

— Не вернусь, — убирает руку от лица, — потому что я люблю Машу, Костя. Ты это понимаешь? И развелись мы с твоей мамой, потому что я полюбил Машу.

Я бесшумно выхожу из комнаты, прикрываю дверь, и мой взгляд встречается со взглядом Маши, которая притаилась в полумраке коридора.

Конечно же, она же должна была услышать слова Славы о его любви к ней.

Не хочу обвинять ее в том, что она специально меня поджидала, чтобы потешить свое женское эго, но... не могу.

— Кариш, я там нам чай заварила, — она берет меня за руку, — не будем Славе мешать.

— Я поеду к Андрею, — медленно вытягиваю руку из ее мягкого и теплого захвата, — я сейчас должна быть с ним.

Я иду по коридору и слышу строгий голос Славы:

— Карина, я тебя отвезу. Мне тоже надо побеседовать с Андреем. И извиниться. Это моя вина. Я недоглядел.

— Ты оставишь мальчиков с Машей? — обеспокоенно оглядываюсь я. Маша бледнеет. — Не боишься?

— Мой отец сейчас с твоим заедут, — шагает мимо в прихожую, — пусть теперь старшее поколение мужиков постирают Косте и Грише мозги.

Маша все равно стоит бледная. Глаза выдают, что она нервничает. Она не мальчиков боится, а того, что Слава останется со мной наедине.

Боже, какая глупость, ведь я за этими тревогами о сыновьях и Андрее, почти забыла о том, что Слава был для меня все миром.

Почти забыла.

16 9 лет и 3 месяца назад

— Я тебе говорила, что ты зря с этой разведенкой связался? — возмущенно шипит мама Андрея, Тамара Владимировна, — С разведенкой с двумя прицепами! И что теперь? Ты на больничной койке! И защищаешь этого выродка! Ты должен написать заявление!

Я стою у двери палаты и медленно выдыхаю. Претензии Тамары Владимировны были ожидаемы.

Я ей сразу не понравилась.

По ее мнению, от хороших женщин мужа не уходят.

В воздухе витает тяжелый запах больницы: лекарств, хлорки и сладких духов медсестер.

— Мам, я тебя прошу... — слышу сдавленный голос Андрея.

Я должна войти, но ноги вросли в плитку на полу.

— Она тебя использует, — продолжает возмущаться Тамара Игоревна, — и ты это прекрасно понимаешь! Может, она и беременна совсем не от тебя? Слишком уж у твоей Карины близкие отношения с бывшим мужем...

— Мам, — голос Андрея становится строже, — это мой ребенок.

— Неужели нельзя было найти свободную, одинокую девушку без агрессивных уродов в анамнезе...

Тут я все же не выдерживаю и резко распахиваю дверь. От неожиданности Тамара Владимировна вздрагивает, бледнеет и поджимает губы.

— Вы не имеет никакого морального права оскорблять моих сыновей, — тихо говорю я.

— А как мне о них выражаться?! — повышает голос. Ее короткие волосы, крашенные в неестественно яркий рыжий, торчат ежиком. — Воспитала каких-то волчат... Зверенышей. Хотя чего ожидать от матери, которая так быстро с другим мужиком закрутила, — кривит тонкие губы и презрительно оглядывает мой округлившийся живот, — еще и залетела, как малолетка... Хотя вряд ли от моего сына.

Скрип двери. Я по морозному парфюму узнаю, что в палату за мной зашел Слава.

— Мама, я тебя очень прошу, — тихо и устало отзывается с больничной койки Андрей и медленно садится, — оставь нас.

— А вот и отец звереныша пожаловал, — хмыкает Тамара Игоревна. — Я даже не удивлена. Пришел выбелять своего сына?

Слава, не глядя на меня, проходит вперед. Его лицо каменное, только легкий нервный тик дергает уголок глаза. Он встает рядом со мной, его рукав пиджака из тонкой темной шерсти едва касается моего запястья.

Отступаю в сторону на полшага.

— Мама! — гаркает Андрей.

Андрей сжимает край матраса и тяжело дышит, глядя перед собой напряженным взглядом.

— Вашему сыну место в колонии, — шипит нам в лица Тамара Игоревна, — но сегодня, так потом станет уголовником, — усмехается. — Это дело времени. И не будьте совсем уж лицемерами... Заделали ребенка и хотите скинуть его на моего сына?

— Любопытное предположение, конечно, — хрипло отвечает Слава и прищуривается, — но мимо.

Андрей медленно встает с койки, шагает к маме и берет ее под руку:

— Идем, мама. Достаточно... Ты перенервничала, говоришь какие-то глупости...

— Ты будешь должен сделать тест на отцовство, Андрюша... Я не верю, что это твой ребенок... Не верю. Ты слишком доверчивый, и ты опять попал в лапы хищницы...

Андрей, тяжело шаркая тапочками по кафелю, выводит Тamarу Владимировну из палаты, и я остаюсь наедине со Славой, которой вздыхает и с раздражением поправляет ворот рубашки.

Что именно ему не понравилось?

Оскорбления в мою сторону?

Или глупые обвинения в том, что он может быть отцом моего малыша в животе?

— Ты все же напиши заявление, — доносится до нас недовольство Тamarы Владимировны, — а после займись тестом на отцовство... и еще... если не хочешь заявление писать, то пусть этот высокомерный хрыч раскошелится.

— А я думал, что моя мама была для тебя сложной свекровью, — Слава проходит к стулу у стены и медленно в него садится, — но все познается в сравнении, конечно, — хмыкает, — а Андрей, судя по всему, маму любит и...

— К чему ты клонишь?

— Ты знаешь, к чему, — говорит Слава. — С твоей стороны наши сыновья воюют против Андрея, а с его стороны — мама...

— Пусть он любит маму, но к ее бредням относится снисходительно, — цежу я сквозь зубы. — Он прекрасно знает, что я бы никогда не стала... с тобой... после развода... после всего, что было... И он знает, что это его ребенок. Нет в нем никаких сомнений во мне...

— Иначе сомнения убьют ваши отношения, — Слава не спускает с меня взгляда.

— Ты бы лучше о своих отношениях думал, Слава.

— А меня никто не науськивает, — он смотрит на меня прямо и строго, — мой выбор приняли, а выбор Андрея — нет.

17 5 лет назад

Пиджак Андрея падает с вешалки, когда я тянусь за рубашкой, которую надо кинуть в стирку. Падает на пол.

Неуклюже удерживая одной рукой комок грязного белья под подмышкой, я второй неуклюже подхватываю пиджак за край левого борта.

Из нагрудного кармана выскальзывает что-то белое, легкое. Бумажка, сложенная вчетверо. Падает на ковер бесшумно.

Я все же не могу удержать грязное белье в руках. Она летит на пол. Вздыхаю.

Наклоняюсь.

Подхватываю бумажный прямоугольник. Разворачиваю медленно. Пробегаю глазами.

Строгие, безликие колонки. Слова бьют по глазам, как удары: «ЗАКЛЮЧЕНИЕ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ».

Имя Лоры, нашей четырехлетней дочери. Имя Андрея. Строчка, выделенная жирным: «Вероятность отцовства: 99,9999987%».

Воздух вырывается из легких со свистом. Сердце колотится где-то в горле, бешено, неровно.

По спине бегут мурашки, потом накатывает волна жара, обжигающая лицо. Бумага дрожит в моих руках.

— Кариша, ты не видела мой телефон? — звучит голос Андрея из дверного проема.

Я разворачиваюсь. Медленно. Каждый мускул напряжен до боли. Вижу его – стоит, опершись о косяк, в любимом синем свитере.

Улыбка застывает на его лице, когда он видит мое лицо. Бледное, должно быть. Искажённое. И бумагу в моих дрожащих руках.

Делаю шаг к нему. Протягиваю лист. Голос – хриплый шепот, едва вырывающийся из пересохшего горла:

— Что... что это такое, Андрей?

Он смотрит на бумагу. Не на меня. Все добродушие, вся домашняя уютность испаряются с его лица, оставляя лишь угрюмую каменную маску. Щеки слегка втягиваются. Молчит. Просто молчит.

— Ты что... — голос срывается, становится выше, резче. — Ты все-таки поверил своей маме? Поверил, что я... что я могла родить от Славы и... и подсунуть тебе его ребенка? Правда, ей поверил?!

Он отводит взгляд. В сторону. На пол. Сжимает губы. Потом поднимает голову. В его глазах нет раскаяния. Только усталая, оборонительная твердость.

— Я не сделал ничего противозаконного, Карина. — Голос ровный, слишком спокойный для этой минуты. — Я узнал то, что должен был. Я — отец. Теперь никаких дурных мыслей нет.

И вдруг меня пробирает смех. Короткий, резкий, истеричный. Он вырывается сам, горький и беззвучный сначала, потом громче, с надрывом.

— Дурных мыслей? — задыхаюсь я от этого смеха-плача. — Ты все эти годы жил с дурными мыслями? Обо мне, нашей дочери?

Бумага выскальзывает из моих ослабевших пальцев. Падает на ковер рядом с его тапком.

Черные буквы на белом – приговор нашему доверию. Да и не доверял Андрей мне никогда.

Не верил. Сомневался.

Черное, липкое разочарование расплзается по груди, заполняет все внутри, тяжелое, холодное, удушающее. Отступаю назад. Шаг. Еще шаг.

Я себя так мерзко и противно не чувствовала даже тогда, когда мой бывший муж признался в изменах.

— Карина... — Он делает движение ко мне, рука тянется, чтобы взять за плечо, притянуть.

— Не трогай! — Рывком отмахиваюсь, как от гадкой твари. Голос – хриплый крик. — Не трогай меня!

Разворачиваюсь и почти бегу в ванную. Захлопываю дверь. Поворачиваю задвижку. Звук щелчка – громкий и резкий в тишине. Приваливаюсь спиной к двери. Колени подгибаются. Оседаю на холодную плитку.

Я... не ожидала.

Я... не думала, что Андрей будет сомневаться во мне.

Дышу. Глубоко. Рвано. Пытаюсь вдохнуть полной грудью, но воздух не лезет. В горле ком. Горячий, огромный. Глаза предательски жжет.

Накрываю лицо руками. Ладони влажные. Тихий, сдавленный стон вырывается наружу, превращаясь в рыдание. Плечи трясутся.

Слезы текут сквозь пальцы, горячие, соленые, горькие. Четыре года. Четыре года он сомневался и выискивал в нашей дочери черты Славы.

Не смех, каждое ее «папа!», каждое объятие – он, оказывается, мог видеть в этом ложь? Чужую кровь? Мой обман?

За дверью – шаги. Тяжелые. Он стоит там. Молчит.

Потом его голос, глухой, лишенный эмоций, пробивается сквозь дерево:

— Я сейчас пойду за Лорой в сад. Надеюсь... — пауза, — надеюсь, к моему возвращению ты поймешь, что я не сделал ничего ужасного.

18 5 лет назад

Он уходит, и я понимаю, что мы обязательно помиримся. Вечером он найдет слова, которые успокоят меня, но... это наша первая глубокая трещина. Глубокая, до самого сердца.

Я, конечно, приму его оправдания, но теперь буду знать, что он все эти годы не верил мне.

Да, мы помиримся и будем дальше жить. И даже поверим, что у нас все хорошо и что смогли уладить наш первый серьезный конфликт.

Я упираюсь руками в кафель, поднимаюсь.

Голова кружится. Открываю дверь. Андрей забрал ее. Будто и не было.

Допускаю мысль, что он вернется с дочерью и просто замнет вопрос теста ДНК тем, что приготовит какао и сделает массаж.

И, наверное, я приму это, ведь... нам же не разводиться, да?

На тумбочке вибрирует телефон и я не глядя принимаю звонок. Слышу голос Славы:

— Карина, я тебя не отвлекаю?

— Нет, — блекло отвечаю.

— Что-то случилось? — он все же улавливает в моем голосе нехорошие и пугающие нотки в моем отстраненном голосе.

— Нет, — сглатываю, — ты зачем звонишь?

— Такое дело... — он выдерживает паузу, вслушиваясь в мое дыхание, — директор Гриши звонил. Опять драка. К директору вызывают. Тебе еще не позвонили, что ли?

— Нет, — хмурюсь, — Какая причина на этот раз?

— Мне говорит, что за учительницу заступился, — Слава вздыхает. — Радует одно, что хоть Костя перерос все эти драки.

— Ну, либо он просто затихарился...

— Девушка у него появилась, Карина, — хмыкает Слава и смеется. — Там лямур идет полным ходом.

Горько, потому что я не в курсе Костиных “лямуров”. Не достойна.

Не достойна верности.

Не достойна любви сыновей.

И теперь не достойна доверия второго мужа. Не достойна.

Я чувствую, как внутри покрываюсь тонкой коркой льда.

Я думала, что Андрей тот человек, который пять лет назад понял мою боль, принял мое отчаяние, признал во мне женщину, которая может еще любить и быть счастливой...

Я думала, что он тот человек, который верит и доверяет мне.

Я думала, что он тот человек, который будет со мной честным и который будет иметь смелость говорить правду о себе, о нас, о нашей семье...

— И Костя настаивает на том, что готов съехать на съемную квартиру, — вырывает меня из горьких мыслей Слава. — Ты что думаешь?

— Слав, а какая разница, что я думаю? — не могу сдержать в себе отчаянное ехидство. — Я сейчас сыновей вижу лишь несколько раз в месяц.

И этот чертов тест днк ничего не закончит.

Мысли Андрея о том, что я могла ему изменять со Славой, никуда не денутся, и для его мамочки я все равно останусь “шалавой”.

Мерзко.

До этого момента я видела в Андрее лишь терпеливую любовь к истеричной матери, а сейчас... сейчас в их отношениях пробивается что-то гадкое.

И мягкость Андрея, которая меня согревала заботой, теперь для меня будет отдавать слабостью и трусостью.

— У тебя точно все хорошо? — Слава цепляется за мою агрессию, ведь обычно я мила и терпелива.

Если бы моя бывшая свекровь посмела бы сказать Славе, что я родила не от него, то он бы... поставил бы мать на место.

Нет... Нет...

Я же до этого дня не сравнивала Андрея со Славой.

НЕ СРАВНИВАЛА!

Я... не хочу их сравнивать, но Слава бы не жил со мной пять лет в сомнениях, что я могла бы родить от другого мужчины.

— Слава, — понижаю голос до шепота, а то боюсь разрыдаться. — Да, у меня все замечательно.

Но я лгу, и Слава это понимает. Он никогда не был дураком и мое настроение всегда считывал по одному лишь вздоху.

— Карина...

Слышу в трубке детское:

— Папа! Папа! А это мы! Не ждал?

Это его сын Артур.

— Милый, осторожно, — следует за детским голосом воркование Маши. — Не беги так... Ну, вот упал...

Слышу детский обиженный рев, и Слава с отцовским снисхождением вздыхает, а после без прощаний сбрасывает звонок.

Сжимаю телефон в руке.

Тихая короткая вибрация. Слава прислал сообщение:

“Директор нас ждет в среду в восемь утра. Наверное, будем решать вопрос о переводе нашего драчуна в другую школу”

Сглатываю и пишу безликое:

“Хорошо”

И на экран телефона падает слеза, и в моей груди вспыхивает то подозрение, которого во мне не было.

В голову заползают те мерзкие мысли, которых не рождались даже тогда, когда мы ссорились.

Я для Андрея была легкой добычей, и он воспользовался моим женским отчаянием после развода.

Быстро затащил в койку и знал, что не встретит сопротивления.

Торопливо затянул в брак... потому что возраст поджимал, а я бы никуда не делась, беременная и раненная. Я же смотрела на него с надеждой, что я еще достойна быть счастливой.

Я до этого дня видела его совсем другим... Теплым, уютным, ласковым, добрым и заботливым, а сейчас его образ искажается, и меня тошнит от него.

Я вспоминаю слова моего старшего сына Кости:

“Тихушник”

И приходит четкое осознание... Это начало нашего конца.

Я, конечно, буду сопротивляться, но... теперь после теста на отцовство я увижу в Андрее то, что игнорировала моя женская наивность и вера в то, что меня любят и что я могу быть счастливой.

19 4 года и 7 месяцев назад

— Пусть твоя Карина денег даст, — строго и возмущенно заявляет моя свекровь. — Мы же одна семья. Значит, у нас бюджет общий, и ты имеешь полное право купить мне дачу.

Я у кухонной дверью глаза округляю. Интересное, конечно, заявление. Я жду ответа Андрея, а он мрачно молчит.

Как обычно.

Хмыкаю.

— Или самое время забрать должок со Славы, — Тамара Игоревна продолжает наглеть. — Ты тогда его сына спас от малолетки, а он теперь пусть мне дачку купит.

Закрываю глаза и жду, когда Андрей потребует того, чтобы она заткнулась.

— Мам...

— В конце концов, и Карине ты простил ее гулянки со Славой, — Тамара Игоревна перебивает Андрея, — они оба у тебя в долгу. Карина вообще должна тебе руки целовать, что ты ее с двумя невоспитанными мелкими уродами взял...

Тут я уже не выдерживаю.

Резко распахиваю дверь на кухню и захожу.

— Взял меня? — смеюсь я.

— Карина, — Андрей шагает ко мне, берет за плечи и хочет вывести, — не начинай, пожалуйста, — переходит на шепот, — ты же знаешь с моей мамой криками...

Я его отталкиваю от себя и делаю шаг к надменной Тамаре Игоревне:

— Вон из моего дома.

— Как ты заговорила!

— Вон, — меня начинает трясти.

Андрей накидывает на меня свой джемпер, и вновь хочет вывести из кухни с объятиями и ласковым шепотом, но все это больше не работает.

Не работает с того дня, когда я увидела тест на отцовство.

— Никаких я денег на дачу я не дам! — я отпихиваю Андрея и прую к Тамаре Игоревне, — и мой бывший муж тоже ни копейки не даст. Ничего он вам не должен.

— Вот ты и показала свое истинное жадное мурло! — шипит моя свекровь. — Родному человеку пожалела... Да единственная твоя ценность это только деньги!

— Мама, замолчи! — наконец, гаркает Андрей.

— Да в ней ни молодости нет! Ни свежести! — верещит Тамара Игоревна, брызгая слюной. — Мне же тебя жалко, Андрюша! А она тебя не ценит! Я же тебе говорила, что от хороших жен ни один мужик не уйдет! А теперь тебе нести этот крест ради дочери...

Ну что же.

Паззл складывается.

Для Андрея я была не только легкой добычей из-за сложного и болезненного развода, но и очень «аппетитной»

Я ведь была той женщиной, в которую совершенно не надо вкладываться финансово. Достаточно быть ласковым, внимательным и заботливым.

Рядом со мной не надо думать о выживании семьи. Не надо тащить ипотеку. Не надо залезать в кредиты и не надо работать на трех работах. И не надо бояться безработицы.

Рядом со мной сытно и тепло.

Для мягких и слабых мужчин, у которых нет амбиций и нет сил конкурировать в этой жестокой жизни, я — идеальная жена.

— Карина, не обращай на маму внимания, — Андрей вновь рядом со мной. Шепчет на ухо. — Я сам с ней разберусь. Сейчас я отвезу ее домой.

— Никакого уважения... — охает Тамара Игоревна и, прижав ладонь, опускается на стул.

— За что ты так со мной, Андрей? — я заглядываю в растерянные глаза мужа. — Я же действительно видела в тебе мужчину, с которым могу прожить жизнь. С которым я могла бы нянчить внуков... А ты...

— Что ты такое говоришь?..

— Я хочу развод, — тихо заявляю я, не отводя взгляда.

Эти несколько месяцев были для меня мукой и самым настоящим адом. Я пыталась убедить себя, что Андрей имел право на тест на отцовство, но мой взгляд на него изменился.

Я больше не чувствовала в нем любви и заботу.

Я видела лишь наигранный спектакль, ложь и мягкой лицемерие с улыбками и нежным шепотом.

Меня начало тошнить от Андрея, и вся его забота обратилась для меня в пытку, и его слова “Я не хотел тебе ничего говорить, потому что знал, что ты расстроишься” и “я этот тест для мамы делал” так и не смогли меня убедить в его искренности.

— Какой развод? — не понимает Андрей.

— Старшим детям психику искалечила, а теперь и дочь решила пустить под каток?!

— Заткнись, мама! — наконец, я слышу от Андрея то, что хотела, но уже поздно. — оставь нас!

Я больше не вижу в нем мужчину.

Смотрю и не вижу.

Мужичонка.

Вот кто он для меня теперь.

— Милая, — сжимает мои плечи, — любимая... какой развод? Почему? У нас же все хорошо... — бледнеет. — Я же люблю тебя... Больше жизни.

Какие громкие слова.

— Я не хочу быть с тобой. Перегорело.

Усмехаюсь, потому что я говорю сейчас словами Славы. Вот оно как чувствуется это слово “перегорело”.

Пустотой.

— Не дивлюсь, если опять сойдется со своим Славочкой, — Тамара Игоревна кривит тонкие морщинистые губы и щурится, — но Лорочку мы заберем! Лорочка наша!

Я вновь проживу ад под названием “развод”, но в этот раз у меня больше нет надежды.

Не Слава, а Андрей меня убил.

— Лорочку с тобой не оставим! — шипит мне в щеку Тамара Игоревна.

Я медленно поворачиваю лицо к ней и расплываюсь в улыбке:

— Мой Славик мне поможет избавиться от вас и вашего сына, — я не моргаю. — Вот передо мной он в долгу, — улыбаюсь шире, — если я попрошу... — делаю паузу, — раздавит. И вы не поверите, мне не надо для этого с ним трахаться.

— Ты не можешь, Карина... — хрипит Андрей.

— Поэтому рот своей хабалисткой матерью закрой, — смотрю на него отрешенно, — и води себя культурно при разводе.

Ни капли нежности не осталось к Андрею. Только горькое женское презрение.

Не мужик.

А мужичонка. Маменькин сынок.

20 4 года и 6 месяцев назад

— Это забавно, Слава, — смотрю в внимательные спокойные глаза бывшего мужа, — ты мне изменял, ушел к другой, говорил о том, что разлюбил, а я... после развода с тобой продолжала быть женщиной, — я прижимаю к груди ладонь, — тут было больно, но я... была женщиной, а после Андрея... я не чувствую ничего, — хмыкаю, — после него я... больше не женщина.

Мы сидим с Славой в кафе на первом этаже бизнес-центра, где он снимает несколько этажей для офиса.

Сидим за столиком у панорамного окна.

— Ты придешь в себя, Карина, — серьезно отвечает он.

— После тебя я плакала, кричала, била посуду, с мальчишками ссорилась... — продолжаю я тихо и без дрожи в голосе, — я была живой, Слава.

Он хмурится.

— Ты оставил меня живой, — вздыхаю. — Я не знаю, как у тебя это получилось, но я осталась живой женщиной, а Андрей — нет. Заботливый, тихий, добрый мужчина оставил меня мертвой. Не изменял, не любил другую.

Подношу чашку с ягодным чаем к губам.

Делаю первый сладко-терпкий глоток и вновь отставляю чашку.

— Он приезжал ко мне и просил, чтобы я с тобой поговорил, — Слава неодобрительно дергает уголок губ.

— А ты?

— Это странно. Думать, что у нас с тобой были интимные встречи на протяжении всего вашего брака и с такими мыслями ехать ко мне с просьбой вразумить тебя, — Слава вздыхает. — Я его не понял и попросил оставить меня. У него какая-то своя логика жизни...

Постукивает пальцами по столу и смотрит в окно, а затем на часы.

— Если он начнет тебе с мамой трепать нервы, то я тебе помогу их утихомирить. Не верь ты в их глупости, что они заберут Лору, — приободряюще улыбается. — Это пустые истерики.

На парковочную линию у тротуара заезжает белая Тойота, и Слава поднимается на ноги. Поправляет лацканы пиджака.

Из Тойоты выныривает Маша в бежевом коротком пальто, торопливо обходит машину и открывает заднюю дверцу. Заглядывает в салон и на улицу выпрыгивает сердитый пятилетний Артур. Срывает шапку и кидает в Машу.

Топают ногой, что-то кричит на уставшую Машу, и Слава вздыхает:

— Опять характер показывает, — переводит на меня взгляд, — я пойду, Карина.

Он делает шаг, наклоняется и целует меня в висок:

— Не бойся, Лору отвоюем.

Артур у машины готов падать в лужу в желании доказать Маше что-то свое, но она успевает его подхватить за рукав. Она улыбается, но я узнаю в этой вымученной улыбке вселенскую женскую усталость.

Лора у меня тихая. Бывает, психует, но эти девчачьи психи не идут ни в какое сравнение с теми истериками, которые мне закатывали Костя и Гриша в ее возрасте.

Да, Артур маленькая копия старших братьев. Это так забавно.

Не замечаю, как мои губы трогает улыбка.

Артур тем временем ревет, орет и пытается укунить Машу, которая хочет вернуть ему шапку на голову.

У Славы, видимо, все пацаны такими получаются. Своевольными, упрямыми.

Наблюдаю, как Слава шагает к Маше и сыну, который тут же успокаивается и сам торопливо натягивает шапку на голову.

Криво и косо, а потом бежит к отцу, который останавливает его вытянутой рукой. Слава садится на корточку перед сыном и, кажется, начинает его отчитывать. Маша в стороне облегченно выдыхает.

Я так же выдыхала, когда Слава забирал на себя наших сыновей.

Я не чувствую горечи, ревности или тоски по прошлому.

Мне жаль Карину, как женщину, потому что сама растила таких же, как Артур, демонят, а в Славе вижу лишь бывшего мужа, к которому уже очень давно ничего нет.

Ведь я... Андрея полюбила.

И, похоже, полюбила последней любовью.

В кармане вибрирует телефон.

Сообщение от будущей бывшей свекрови

“Все узнают, какая ты шалава. ты пожалеешь о разводе с моим сыном”

А затем я наблюдаю, как Слава подхватывает Артура, у которого шапка сползает на лоб, на руки и продолжает ему что-то серьезно говорить.

Вновь Вибрирует телефон. Звонит моя мама, а на улице Слава поудобнее перехватив одной рукой сына лезет в карман пиджака. Достает телефон. Смотрит на экран. Хмурится.

— Да, мам?

— Что это за видео, Карина? — испуганно шепчет мама и всхлипывает. — Что это такое... Карина... Почему его мне прислали.

В этот момент Слава оглядывается и смотрит в сторону окна, за которым я замерла с нехорошим предчувствием.

Взгляд — смесь растерянности и озадаченности. Маша подходит к нему, хочет заглянуть в телефон, но он не позволяет этого сделать. Прячет телефон в карман.

Новая вибрация: по второй линии мне звонит папа, а мама вновь шепчет:

— Карина... что происходит?

21 4 года и три месяца назад

— Я однажды пожалел твоего придурочного сына! — кричит на меня Андрей. — Ему грозила уголовка с малолеткой! Теперь ты пожалей мою пожилую мать!

Три месяца дорогостоящей экспертизы, заключения нескольких независимых экспертов с тотальным и подробным анализом каждого видео по кадрам, и я могу подать на бывшую свекровь иск о клевете и распространении сведений, порочащих мою честь и достоинство.

Эта старая гримза разослала всем моим родственникам, знакомым, учителям моих сыновей, воспитателям Лорочки, родственникам Славы, соседям, а потом и вовсе закинула в общий доступ с десятков видео, где я... ублажаю орально разных мужчин, подставляю разные места для извращенной близости и умоляю быть со мной пожестче.

Подделали даже мой голос.

Эра технологий, мать его. И видео качественные, для обычных обывателей не покажутся фейками.

Но у меня на руках заключения множества экспертиз.

Правда, они помогут лишь закрыть Тамару Игоревну на несколько лет, но... моя репутация испорчена.

Слава переводит Гришу на домашнее обучение, потому что в его школе начался дикий ад с насмешками, травлей и лютой агрессией со стороны нашего сына, который не готов терпеть оскорбления в сторону его бедовой матери. Готов выйти против толпы хохочущих гиен.

Костя со своей девушкой поссорился, потому что та поверила поддельному видео. Она хотела моего старшего сына утешить и уверить, что мать-шлюха все равно мать и что ей все равно, что все теперь знают, какая я. Короче, поругались они, по словам, Славы знатно.

Родственники смотрят косо.

Воспитательницы и нянечки в саду Лоры прячут взгляды и с осуждением поджимают губы, а вот на неделе моя тетя в разговоре с мамой сказала:

— Так теперь вообще непонятно кто отец... она со столькими была...

Мама отходила ее Кухонным полотенцем и выгнала из дома.

Да, заключения экспертизы будут полезны для суда, но ведь каждого сплетника не потыкаешь рожей в эти документы.

— Карина, она моя мать... — Андрей хрипит в отчаянии. Он устал кричать. — Вот такая она... как и твой сын... Вот такой он... и я это принял же и не стал ему портить жизнь...

— ну или ты просто обосрался тогда, — в гостину вальяжно заходит Костя.

В нем теперь меньше угловатости. Он стал крепче, оброс немного мышцами. Лицо начало заостряться.

Он уже юноша, а не мальчик.

И почти на голову выше Андрея.

Кусает с хрустом яблоко, уничижительно глядя на Андрея:

— Да, стоило с тобой один на один. Папа был прав в этом плане. Но, может, сейчас выйдем поболтаем, а?

Чавкает с вызовом яблоко.

А в Андрее опять вспыхивает гнев и страх перед моим старшим.

— Костя, — я сжимаю переносицу и медленно массирую ее. — Ты пришел и обещал себя прилично вести. И я не считаю, что твоя драка с Андреем что-то решит и исправит.

— Мне будет приятно опять почесать кулаки о его рожу...

— Костя! — рявкаю я. — Тебе уже не четырнадцать! — я в отчаянной злости смотрю на сына. — Мне и так сейчас не просто.

— Ты зря с ним связалась, — Костя с вызовом прищуривается.

— А это уже мне решать, — цежу я сквозь зубы, не отводя взгляда от Кости, — и я не считаю, что зря. Не был ни брак с твоим отцом, ни с Андреем зря! — повышаю голос.

— Может, у нас есть тогда шанс? — подает голос Андрюша.

— Нет, не может, — я разворачиваюсь к Андрею. — Мне было хорошо с тобой. Да, я была рада обманываться на твой счет, но... я была счастлива, но... больше этого не будет.

Хватаю папку с копиями экспертиз о видео, заключениями видеомонтажеров, подробно раскадровкой отрывков, где участвует мое лицо и протягиваю Андрею:

— И надо признать, что именно в тебе я растворилась больше, чем в моем первом бывшем муже, — усмехаюсь. — Ты так боялся, что я Славу не забыла, что думаю о нем и скучаю, но именно тебя я впустила в мою душу глубже... До самого дна.

— Карина...

— Я ничего больше не хочу. Ни с тобой, ни со Славой, ни с кем-то еще, — хмыкаю. — И поэтому мне все равно на твои слова о том, что я должна пожалеть твою мать. Видишь ли... Ты после избиения был героем, который решил мальчикам не портить жизнь, а я... шалава.

Прищуриваюсь:

— Твоей маме точно светить три года. Вот уж радость на старости лет...

— Ты хочешь, чтобы я на колени встал? — Андрей подходит ко мне вплотную и заглядывает в глаза. — Я встану.

И тут в моей голове вспыхивает жестокая идея, но именно она окончательно раскроет суть Андрея.

— Ты исчезнешь из жизни Лоры, — четко проговариваю я, — и я приостанавливаю дело.

Если он откажется, возмутится и заявит, что он будет бороться, то в нем есть еще искра мужского и отцовского достоинства.

Если он не испугается моих угроз, расвирепееет и заявит, что он отец и останется отцом для нашей Лорочки, то я смогу видеть хотя бы отца Лоры, пусть и не мужа.

Он должен отказаться от моего предложения. Должен наконец проснуться.

Андрей вздрагивает. Его зрачки расширяются, а я задерживаю дыхание:

— Ты согласен на мои условия?

22 4 года назад

— Мои детективы раскрыли заказчика, добились от него переписки с Тамрой Игоревной и есть вся информация об оплате, — говорит Слава, — и даже есть переписка с правками, которые она вносила... в видео.

Я присыпаю корни розы землей.

Чихаю от едкой пыли удобрений, а после стягиваю перчатки и тру лоб. Встаю и забираю новую папку из рук Славы.

— Это уже, можно, сказать не имеет смысла, — отхожу к крыльцу и кладу папки на верхнюю ступень.

Смотрю на пересаженные розы по новой схеме. Мне нравится, как получилось.

— Он выбрал мамочку, — хмрюсь.

Андрей после моего ультиматума сказал, что Лора потом сама его потом поймет, когда вырастет, и ушел, пообещав, что наша дочка мне такого не простит.

Усмехаюсь.

Если бы он возмутился, загорелся яростью, сказал бы, что он, в принципе, не принимает такой выбор и устроил бы борьбу за дочь, то я бы... господи, да я бы не стала закрывать болезненную безумную бабку в тюрьму.

Потому что мне не наказание для Тамары Игоревны было важно, а его любовь к дочери и его мужская самость, но...ничего этого в нем нет.

— Привет, — из-за входной двери выглядывает Лора.

Придерживая дверь маленькими напряженными пальчиками она смотрит на Славу круглыми глазами.

У нее две косички, очаровательные темные веснушки и короткая челка. Куколка.

— Привет... — отвечает Слава и он...

Выглядит неожиданно растерянным.

Он видит мою дочь вживую в первый раз и, похоже, был совершенно не готов к этой встрече.

— Это дядя Слава, милая, — вздыхаю я и сажусь на ступеньку, — он привез маме документы.

— Я знаю, кто ты, — кивает Лора. — Бабушка говорила, что ты мой папа.

— Твоя бабушка та еще фантазерша, — спокойно отвечаю я.

У нас уже был разговор, кто ее папа. Ближе к разводу с Андреем выяснилось, что моя свекровь засирала мозги моей дочери, что она ей совсем не внучка.

Слава в шоке смотрит на меня, а после вновь переводит взгляд на Лору, которая бесстрашно выходит на крыльцо.

— Ты был с мамой до моего папы, — Лора кивает, — я знаю. И ты папа Кости и Гриши. Они поэтому меня не любят...

— А тут подожди... — Слава вскидывает руку и щурится, — Костя и Гриша те еще говнюки, конечно...

— Они когда тут мы даже не разговариваем, — сердито жалуется Лора. — Они на меня смотрят, и я на них смотрю. И все.

— Милая, я же говорила... Они... Господи, — накрываю лицо руками, — вот такие они. Сволочи вредные.

— А братика они любят? — Лора решительно делает шаг к Славе. — У тебя же есть сынок. Их братик...

— Там тоже все очень непросто, — Слава вздыхает. — Там братик дает всем прикурить, если честно. В том числе и Грише с Костей.

— А почему ты пришел без него? Без сыночка? — Лора садится рядом со мной.

Деловито поправляет рюшечки на коленях и продолжает смотреть на обескураженного Славу большими любопытными глазами.

— Честно признаться, я даже не знал, что ты сегодня дома... Да и к маме твоей пришел без приглашения, чтобы по пути закинуть документы...

— А я отказалась идти в садик, — пожимает плечами, — я скучаю по папе. Мама разрешила скучать дома, — тяжело вздыхает, — папа тоже думал, что ты мой папа, да?

Слава может только кивнуть. Я давно его таким не видела. Очень давно.

Он в последний раз таким растерянным был, когда ему в первый раз акушерка сунула Костю в руки.

Также не моргал.

— Это глупость, — Лора опять вздыхает, — я не могу быть твоей дочкой, потому что мы совсем не похожи, — смотрит на меня, — наш папа глупый.

Потом она встает, подходит к Славе, роется в кармане и протягивает ему жевательную конфетку в розовой обертке:

— Мои любимые.

Слава молча забирает конфетку, но Лора не уходит и хмурится на него. Слава понимает, чего Лора от него хочет.

Разворачивает угощение, закидывает ее в рот и сосредоточенно жует, а после одобрительно хмыкает:

— Вкусно.

— Да, самые вкусные, — кивает и через несколько секунд поднимается по ступенькам. Останавливается у двери и оглядывается на Славу, — я хочу увидеть братика Гриши и Кости. Чем он лучше? Почему они его любят больше?

— Милая, — массирую виски, — мальчики и тебя любят.

Но Лора уже прячется за дверь.

Все, мне теперь гарантированы недели разговоров о сыне Славы и почему Гриша и Костя любят его больше.

Лора кричать и плакать не будет, она просто изведет меня долгими беседами и размышлениями о несправедливости этого сложного мира, а после придет к неутешительным выводам, что все это потому, что она родилась не от дяди Славы.

И ведь правда в этих детских речах будет.

— Она такая... у тебя рассудительная, — в шоке заявляет Слава.

— Не то слово, — смеюсь, — она очень любит философствовать.

— Мой только и делает, что орет, психует и что-то ломает, — Слава вздыхает. — И доказывает, что он главный в доме. Всем. Он вчера в парке на дерево орал, что он растет в неправильном месте и требовал у меня, чтобы мы его пересадили.

— Куда?

— Возле нашего дома.

— И что было дальше? — заинтересованно спрашиваю я. — Как вышли из положения?

— Я вручил ему лопатку, — слабо улыбается Слава, — сказал: выкапывай. Он три часа копал, а потом лопатка сломалась и он упал на выкопанную землю. И заснул. Я сегодня планировал отправить Гришу с Артуром опять копать. Ему надо вспомнить, что он старший брат.

— Лора бы три часа рассуждала, почему дерево выросло именно здесь, а не где-нибудь еще.

— Слушай, — Слава делает ко мне шаг, — может, и Лору... отправим вместе с пацанами? Если ей любопытно... да и отвлечется малышка от мыслей о горе-папаше.

23 4 года назад

Артур усиленно копает, сердито насупившись, а моя дочь стоит в стронке рядом со скучающим Гришей, который привалился к стволу ясеня. Одним глазом он следит за Артуром, вторым за экраном смартфона, а свободной от телефона рукой периодически проверяет, рядом ли его младшая сестра.

Нет, все же Лора не права в своей детской ревности. Гриша любит и ее. Как умеет. да, без сюсю-мусю и без разговоров, но любит, и это я четко увидела только сейчас, со стороны. Притаившись у кустов жимолости с молчаливым Славой.

Гриша в очередной раз нащупывает макушку Лоры, взъерошила ей волосы и тайком улыбается, когда она сердито фыркает.

Артур сердито оглядывается на фыркание Лоры. Хмурится, поджимает губы. На лице — грязный развод влажной земли.

— Сейчас заорет.

Гриша тоже напрягается. Отрывается от смартфона и внимательно смотрит на брата, оценивая уровень его ярости.

Отвлекают, видишь ли маленького бесенка от выкапывания дерева.

Лора тяжело вздыхает и решительно шагает к Артуру, который хмурится сильнее.

— Точно заорет, — Слава выдыхает и делает шаг вперед. — Или в драку полезет...

Я хватаю его за рукав пиджака. Он оглядывается, а я шепчу:

— Не лезь.

— Ты не знаешь моего сына.

— А ты не знаешь мою дочь.

Лора тем временем вытаскивает из кармашка платочек с уточками. Крепко его сжимает.

Гриша замер, готовый в любой момент разнимать малышню.

Артур с угрозой встает. Стискивает лопаточку.

— Я признаю, это была плохая идея, — хрипло и обеспокоенно отзывается Слава.

Еще один шаг, и моя милая Лора одной рукой хватается обескураженного Артура за ворот его синей курточки, а второй яростно протирает его лицо платком с уточками.

Слава не двигается и не моргает.

Гриша не двигается и не моргает.

А Лора тем временем плюет на платочек и опять тщательно трет грязную щеку Артура, который тоже не моргает и не шевелится в руках пятилетней аккуратистки.

— Ты запачкался, — строго говорит она. — Ты как поросенок. Зачем ты трешь лицо грязными руками? ты знаешь что может быть с твоим лицом?

Артур не отвечает. Он круглыми глазами смотрит на мою дочку и лишь сглатывает.

— Микробы прогрызут твою кожу, — Лора подается в его сторону, мрачно вглядываясь в глаза Артур, — построят там свои маленькие города из гноя и грязи...

Артур шмыгает.

— И ты будешь весь в болячках, — подытоживает Лора и прячет платок в карман своего розового пальто. — Зачем ты тут копаешь?

Артур оглядывается на свою небольшую яму, а потом на Лору и неуверенно отвечает:

— Дерево хочу забрать с собой.

— А оно с тобой хочет?

Глаза несчастного Артура вспыхивают растерянностью. Он даже и думать не думал, что дерево может не захотеть быть с ним.

Стоят они и друг на друга смотрят. Лора с ожиданием, а Артур в замешательстве. Замечаю, как Гриша медленно и незаметно поднимает смартфон, наводя камеру на брата и сестру. Пару раз касается экрана, фотографируя немую сцену.

— А куда оно денется? — с вызовом отвечает наконец Артур. — Я его просто заберу.

— А у него тут друзья, — Лора разводит руки в стороны, — мама, папа... жена...

— Жена? — недоверчиво спрашивает Артур.

— Вот она, — Лора указывает на молодую рябину в нескольких метрах. — Это его жена.

Климентина.

Брови Артура ползут на лоб. Такого он тоже не ожидал. Как у дуба может быть жена? Да еще Климентина. Да он в жизни никогда не слышал таких имен.

Слава косится на меня:

— Климентина?

— Что ты меня спрашиваешь? — пожимаю плечами. — У нас живет холодильник Евлампий, а тостер Фома его сын.

— Фома? Почему?

— Откуда я знаю? — шепотом отвечаю.

Слышу шорох за спиной. К нам по осенней листве крадется с кофе Маша. За эти годы у нее круги под глазами стали темнее, а улыбка уже не такая восторженная и наивная.

Больше не воздушная девочка, а женщина.

— Не дерутся? — она встает между мной и Славой.

Может быть, мне кажется, но сейчас Маша предприняла попытку немного нас отдалить друг от друга. Слишком близко стояли, и теперь баланс сохранен: плечом к плечу со Славой стоит не бывшая жена, а настоящая.

Неужели и в Маше до сих пор сидит страх, что между мной и Славой что-то осталось кроме родственной близости?

На языке становится горько.

— Держи, — Маша протягивает мне бумажный стаканчик кофе, — твой любимы тыквенный латте.

Я не отказываюсь, ведь я действительно вновь полюбила тыквенный латте. Он больше не ассоциируется у меня с тем осенним днем, когда Слава познакомил меня с Машей.

— У тебя очаровательная дочка, — говорит Маша и тяжело вздыхает, — как же так... без папы теперь. Может, — Маша смотрит на меня, — у вас с Андреем не все потеряно?

Я делаю глоток кофе. Сквозь сладость пробиваются терпкие нотки тыквы и корицы. Я лишь хмыкаю.

Я ведь понимаю, почему Маша так беспокоится о Андрее. Боится, что я переключусь на ее мужа. Боится, что я вспомню мою любовь к нему. Боится, что я в отчаянии и в страхе перед одиночеством начну предпринимать попытки вернуть Славу.

Это так... гадко. Гадко по отношению к Славе, который ни разу не дал повода для ревности.

— Маш, — я медленно разворачиваюсь к Марии, — ты это прекращай.

— Что...

— Ты все прекрасно поняла, — четко и медленно проговариваю я. — Это уничтожит тебя.

— Девочки... — недоуменно говорит Слава, — я что-то упустил?

Но Маша меня и правда меня поняла. Она вздрагивает, в уголках вспыхивают слезы и крылья носа резко поднимаются и опускаются.

— Твоя жена боится, что между нами все еще что-то есть, — я серьезно смотрю на Славу.

— И раз Андрея в моей жизни больше нет...

— Прекрати, Карина... — шепчет Маша.

— Сходите к семейному психологу, Слав, — я делаю новый глоток кофе. — Самое время.

Слава мрачнеет. Скулы заостряются, щетина будто становится четче и чернее, а глаза... на секунду они вспыхивают яростью, но... Слава все же возвращает себе сдержанное спокойствие.

— Я не люблю Славу, — вновь обращаюсь к Карине. — Не люблю, как мужчину, Маш. Да, любила. Да, мне было больно, но боли больше нет. Он отец моих детей, близкий человек, друг. Андрей в это не верил, а тебе стоит поверить и довериться, Маш, а иначе... зачем ты за Славой замужем?

Я делаю третий глоток кофе и перевожу взгляд на Лору, которая кладет в ладошку шокированного Артура желудь:

— Ты можешь сам вырастить свой дуб, — расплывается в улыбке, — так намного интереснее.

Я иду к дочери, попивая горячий тыквенный латте. Молочно-пряный.

Артур прячет желудь в карман, мрачно кивает, непростительно похожий на отца, а затем сгребает в охапку охнувшую Лору и крепко обнимает.

Ветер доносит обрывки шепота Маши:

—... разве нам нужен... семейный психолог?

— Почему ты боишься, Маша? — спрашивает ее Слава. — Мне нечего скрывать. Я с тобой честен.

— Я не знала... не знала, что все будет с тобой так сложно... — короткий всхлип.

Я оглядываюсь. Слава прижимает к груди плачущую Машу и закрывает глаза:

— Я люблю тебя.

24

Настоящее время

Тишина библиотеки нарушается лишь шелестом бумаги и скрипом скотча. Сквозь высокие окна льется золотое солнце, и в его лучах танцуют пылинки.

Я замираю у щели между дверью и косяком, дыхание затаив. Сердце стучит чуть громче, чем нужно.

Я подглядываю за Лорой и Артуром. Им уже по девять. Скоро будет по десять.

У низенького столика на ковре из плотного красного ворса – островок детской сосредоточенности.

Моя Лора ловко оборачивает в серебристую бумагу коробку с куклой. Ее светлая кожа на фоне алого ковра кажется фарфоровой с темными точками веснушек на носу.

Рядом Артур. Копия Славы в миниатюре – такой же вихрастый темноволосый мальчишка, с карими глазами, полными сейчас яростного недовольства. Он борется с кукольным домиком и рулоном ярко-розовой бумаги. Бумага мнется, не поддается, скотч слипается не там, где надо.

Начинает злиться.

— Она же мелкая! — срывается у Артура голос, сдавленный от усилий. Он с силой отпихивает от себя катушку скотча, которая покатила по ковру. — Зачем, зачем упаковывать для нее подарки?! Это же лишняя морока! Она все равно все разорвет!

Лора не отрывается от своей коробки, лишь поднимает на него взгляд. Серьезный, взрослый. Она сдувает со лба непослушный локон.

— Всегда надо запаковывать подарки, — говорит она четко, будто зачитывает закон. — Такие правила.

Артур упрямо шурится, исподлобья наблюдая за ее ловкими пальцами.

— Кто придумал такие дурацкие правила? — ворчит он.

Лора поднимает на него взгляд. И вдруг улыбается. Искренне, по-детски, растягивая веснушки.

— Эти правила придумал тот, — она делает маленькую паузу для важности, — кто первый решил подарить подарок.

Артур замирает. Смотрит на нее с подозрением, сомнением, а потом... просто смотрит.

Карие глаза чуть расширяются. Лора опять поставила его в мальчишеский тупик растерянности.

Он молча тянется к рулону розовой бумаги, уже без прежней злости. Я едва сдерживаю улыбку, наблюдая, как его пальцы, еще неуклюжие, старательно разглаживают бумагу на углу кукольного домика.

Тихо отступаю от двери, поправляя непослушную прядь волос. Оставляю их.

Разворачиваюсь в полумраке коридора

У лестницы натыкаюсь на Машу. Лицо бледное под аккуратным макияжем, пальцы нервно перебирают край светлого кардигана. Глаза – большие, голубые – мечутся от меня к двери библиотеки.

— Карина, не видела Артура? — голос ее звучит неестественно высоко, с металлической ноткой.

— В библиотеке, — кидаю я коротко, делая шаг к лестнице. — С Лорой. Упаковывают подарки для Катеньки. Увлечлись.

Вижу, как в глазах Маши нарастает знакомое беспокойство. Словно тень падает. Она делает резкий шаг в сторону библиотеки.

Вот она, эта вечная тревога. Будто в тихом шепоте детей, в их общей возне, она видит не невинную дружбу, а отголоски нашего с Славой прошлого, его гены, бунтующие в сыне, мои – в дочери. Будто их детская близость – это угроза ее миру. Ее семье.

Инстинктивно, прежде чем она успевает сделать еще один шаг, я обхватываю ее запястье. Ладонь у нее холодная, как мрамор. Заставляю себя встретиться с ее взглядом. В нем – паника и что-то глубинно-неприязненное.

— Маша, — говорю я тихо, но твердо, стараясь вложить в голос убедительность. — Пусть вдвоем побудут. Они заняты. Увлечены. Расслабься. У них все хорошо. Они же дружат...

Она дергает рук. Сила неожиданная для ее хрупкости.

— Не указывай мне! — шипит она, и ее шепот обжигающе резок в тишине коридора. Губы поджаты в тонкую злую нить. — Я его мать...

Она вырывается одним резким движением, толчок отбрасывает меня на шаг назад. И прежде чем я успеваю что-либо сказать, она уже у библиотеки и распахивает дверь.

— А чем это вы тут так увлеченно заняты? — слышу ее нарочито-бодрый, фальшивый голос. — Артур, милый, давай я тебе помогу с этим домиком? Вижу, не справляешься...

Ответ Артура доносится глухо, но раздражение в нем слышно четко:

— Мам, не надо! Я сам справлюсь!

— Ну тогда я тут с вами рядышком посижу, книжки читаю, — тут же парирует Маша, и в ее тоне слышится неумолимое решение. Шаги ее легкие отступают глубже в библиотеку. — Не стесняйтесь, продолжайте.

Маша, что же ты творишь?

Столько лет прошло, а ты все оглядываешься назад и боишься.

Спускаюсь по лестнице, а затем через минуту выхожу на крыльцо дома подышать свежим воздухом, ведь за Машей всегда тянется липкая духота подозрений и ревности.

Прохладный воздух августовского утра бодряще щиплет щеки, пахнет скошенной травой и нагретой солнцем хвоей.

Слава стоит внизу, у подножия ступенек, спиной ко мне. Телефон прижат к уху. Его голос, обычно ровный и властный, сейчас звучит с редким, почти буйным раздражением.

— Я на день рождения внучки, — он проводит свободной рукой по взъерошенным темным волосам, в которых серебряные нити стали заметнее. — Сегодня я не буду отвечать на звонки, даже если весь офис дотла сгорит! Даже если он провалится в ад совсем советом директоров!

Он резко сбрасывает звонок, с силой засовывает телефон в карман летнего льняного пиджака. Потом запрокидывает голову, хрустит шейными позвонками, разминая затекшие мышцы. Солнце золотит его профиль, резче очерчивая скулы, густые брови. Он оборачивается, замечает меня на крыльце. И улыбается. Настоящей, теплой, чуть усталой улыбкой, которая на мгновение стирает с его лица следы минутной ярости.

— Привет, Кариш, — говорит он, поднимаясь по ступенькам ко мне. Его шаги тяжелые, уверенные.

Он подходит вплотную, и прежде чем я осознаю его намерение, его рука обнимает мои плечи, а губы мягко, по-родственному, касаются виска. Запах его парфюма – древесно-пряный, знакомый до боли, но почему-то сегодня кажущийся другим, более острым, – ударяет в ноздри. И я... вздрагиваю. Всем телом. Нервно, неожиданно сильно. Как от внезапного удара тока.

— Ты в порядке? — спрашивает он, — спрашивает он, отстраняясь, но рука еще лежит на моем плече.

Его взгляд скользит по моему лицу.

Дверь позади нас с громким скрипом распахивается. И на пороге, залитая утренним солнцем, появляется она. Маленькая именинница. Трехлетняя Катенька. В пышном розовом

платье, усыпанном стразами, с блестящей пластиковой диадемой на светлых кудряшках. В руке – волшебная палочка с большим розовым сердечком на конце. Глазенки сияют восторгом.

— Деда! Деда прие-ехал! — визжит она на весь участок, топая крошечными босыми ножками по теплomu мрамору крыльца. Она бросается к Славе, как пушинка.

Слава со смехом подхватывает ее на руки. Розовое облачко платья вздымается.

— Ого! Кто это у нас сегодня такой нарядный? — он заглядывает ей в сияющее личико, подбрасывая легонько. — Принцесса?

Катя мотает головой, кудри разлетаются. Диадема съезжает набок.

— Не-а! — звонко объявляет она, чуть картавя на "л". — Я волшебная фея!

— Волшебная фея? — Слава притворно-изумленно поднимает брови. — А волшебная фея чего?

Катя надувает щеки, собираясь с мыслями. Потом важно выпрямляется у него на руках, сжимая свою палочку.

— Я — Волшебная Фея Волшебной Любви! — выпаливает она, сияя.

И прежде чем кто-либо успевает среагировать, она резко взмахивает розовым сердечком. Сначала указывает на меня. Потом стучит им по лбу Славы. Легко, по-детски нежно.

— Бдысь! — торжественно произносит она. — Теперь у вас много любви.

Смеется, довольная своим колдовством, обнажая мелкие молочные зубки.

— И я феячу навсегда, — Катя машет палочкой и опять обнажает мелкие зубки в улыбке, — вот такая я фея.

*Мои хорошие, я вас приглашаю в новинку! Там тоже будет сложно и эмоционально
“После развода. мы не сберегли нашу любовь”*

<https://litnet.com/shrt/DGJF>

— Мы разводимся, — выдыхает мой муж, и я слышу в его голосе облегчение от своего признания. — Потому что я так больше не могу.

Будто он вскрыл нарыв.

Тошнота усиливается

— Мы не можем, — в гостиную бесшумно заходит моя младшая сестра Альбина.

— Что это значит? — тихо спрашиваю я.

— Мы устали лгать, — угрюмо отвечает Демид, не отводя от меня своего безжалостного взгляда. — Семье. Детям. И самим себе.

— Мы с Демидом любим друг друга, — моя сестра слабо улыбается. — Теперь ты это знаешь.

Муж честно рассказал, что любит мою сестру и что хочет развод, а потом мы узнаем, что я беременна. Перед родами моя сестра Альбина предлагает отдать им на воспитание моего еще нерожденного младшего сына, ведь тогда всем будет проще.

<https://litnet.com/shrt/9-9x>

25

Катя рвет серебристую упаковку. Скотч трещит, бумага шелестит, рвется с сухим хрустом. Вот уже белеет угол коробки с куклой – подарок Лоры. Катюша охает, бросает наполовину разорванную куклу и набрасывается на большой, тяжелый прямоугольник в ярко-розовой бумаге – кукольный домик от Артура. Бумага летит клочьями.

— Что же там? — причитает удивленно моя мама над ней. — Что-то очень красивое...

— Ой! — вырывается у Катюши, когда под слоем бумаги и картона показывается яркий фасад домика с окошками. Ее глаза – огромные синие блюдца.

Она переводит взгляд на брошенную куклу, потом снова на домик, потом опять на куклу.

Торопится! Пальчики путаются в лоскутах упаковки, не могут подцепить картонную панель на кукольной коробке. Она кряхтит, морщит носик.

— Дай помогу, — тихо говорит Лора, протягивая руку.

— Дай сюда! — тут же ворчит Артур, но его рука тянется к коробке синхронно с Лориной.

Их пальцы, неуклюжие и неловкие, почти сталкиваются над коробкой. Артур резко отдергивает свою, будто обжегся. Лора аккуратно поддевает ногтем картонную полоску, и коробка раскрывается с легким щелчком.

— Какие у меня подраки... — шепчет Катюша, завороченно глядя то на белокурую куклу в пышном платье, которую она тут же выхватывает, то на открывшийся фасад домика. — Какая куколка! — Она смеется, звонко и громко.

Солнечный зайчик от хрустальной подвески люстры прыгает по белокурым волосам игрушки.

Я сижу на софе. Справа – Костя. Его рука лежит на софы дивана за спиной Ани, его жены.

Аня – миловидная, с теплыми карими глазами и усталыми тенями под ними. Похоже, ночь не спала.

Рядом с Аней — мой папа. Пузатенький, расслабленный и немного сонный. Лениво следит за Катей.

Напротив на диване – Слава и Маша.

Маша пристроилась к нему вплотную, ее голова лежит на его плече. Ее рука, тонкая, с аккуратным маникюром, держит его ладонь. Свободной рукой Слава медленно вращает бокал с водой, в которой плавает листочек мяты и лед.

Картинка – открытка про семейное счастье. Идиллия. Если не знать, какой раздраженной она была на втором этаже у библиотеки.

Родители Славы притаились за его спиной и спиной Маши. Марина Петровна, моя бывшая свекровь, заботливо поправляет ворот платья Маши. Поглаживает ее по плечу и вновь смотрит на Катю.

— У тебя очаровательная малышка, — наклоняюсь я к Косте, шепчу так, чтобы слышал только он.

Запах его свежего морского одеколona смешивается с ароматом вишневого пирога, доносящимся из кухни.

Костя поворачивает голову. Его лицо, когда-то угловатое и вечно нахмуренное, смягчилось. В уголках глаз – мелкие лучики морщинок от улыбок. Он смотрит на Катю, которая теперь пытается запихнуть куклу в крошечное окошко домика, и кивает.

— Я... Очень боялся, что родится сын.

— Почему? — удивляюсь я шепотом.

Он усмехается, тихо, только для нас двоих. В его смехе – отголоски того дерзкого пацана, который показывал отцу средний палец.

— Потому что я прекрасно помню, каким мелким демоном был. Как я всем мотал нервы. Как у всех вокруг дёргался глаз от моих выходов. — Он бросает быстрый взгляд на Славу, и в его глазах мелькает что-то вроде извинения.

— Особенно у меня дёргался глаз! — вдруг вклинивается Маша с того дивана.

Ее голос звучит нарочито весело, фальшиво. Она поднимает голову с плеча Славы, ее улыбка слишком широка:

— Скандалы-то ты знатные заводил.

Она смеется, но смех резкий, без тепла. Ее пальцы сильнее впиваются в руку Славы. Он не шевелится, только его челюсть чуть напряглась.

Аня, по другую сторону от меня, мягко кладет руку на округлившийся живот – у них будет второй. Она переводит многозначительный взгляд с Маши на Костю.

— Ну, я, пожалуй, уже готова и к мальчику, — говорит она спокойно, но в ее глазах – вызов и нежность одновременно. — Раз уж с первым ангелом так повезло. — Она гладит живот.

Костя медленно выдыхает, поворачивается к ней.

— Я буду помнить, что все крики и истерики проходят со временем, — он берет ее руку, прижимает к своим губам. Вновь смотрит на отца, а потом на меня, — главное... терпение.

— Да уж, — кивает мой папа, — с детьми терпения надо вагон. Нет, целый поезд.

— Несколько поездов, — хмыкает мой бывший свекр. — А потом еще парочка.

У окна, опершись о раму, Гриша отрывается от стакана с лимонадом. Лед звенит о стекло.

— Аж не верится, что Катке уже три, — хмыкает он. Тоже давно уже не мальчик. — Кажется, что вот только все гуляли на вашей свадьбе, Костя. Желали счастья и любви. А Катке уже три года.

Слава со смехом отставляет бокал. Звук стекла о дерево журнального столика – резкий, влажный.

— А представьте, каково нам? — Его голос, густой, с легкой хрипотцой, наполняет комнату. Он окидывает взглядом Костю и Гришу. Взгляд теплый, отеческий, с той самой терпеливой снисходительностью, которая когда-то успокаивала и меня. — Кажется, что вот вы двое только под стол вдвоём ходили, падали и голожопые бегали по дому, орали боевой клич... А уже один с женой и дочерью, — он кивает на Костю и Аню, — а второй скоро заканчивает университет. — Его взгляд останавливается на Грише.

В уголках глаз Славы – те же лучики улыбки

Неудержимая волна тепла накатывает на меня. Воспоминания: Слава, весь в пене, ловит визжащего голого Гришу, вылезшего из ванны и мчащегося по коридору.

Слава, строгий и непреклонный, заставляющий Костю склеивать разбитую хрустальную вазу – подарок его матери.

Слава, читающий на ночь «Незнайку» двум неугомонным головам на подушке, его голос – ровный, убаюкивающий.

Наш общий смех, наши редкие тогда ссоры... Любовь. Та, настоящая, теплая, глубокая.

Она жива в этих картинках прошлого. Я ловлю его взгляд. Он смотрит на меня. Не на Машу, прильнувшую к нему, а на меня. И в его темных глазах – отражение моих воспоминаний.

И ему сейчас тоже от них тепло.

Не горько, а именно тепло и уютно. Он тоже больше не боится оглядываться назад.

— Сколько лет прошло, — говорит он и смеется, — у нас уже внучка...

Маша резко выпрямляется на диване. Ее рука вырывается из руки Славы. Веселая маска спадает, обнажая напряженные скулы, поджатые губы.

Ей душно, неуютно. Она не имеет к этим воспоминаниям никакого отношения. Они – как чужая территория, куда ей вход воспрещен. Они – доказательство той любви, которая была до нее.

И эта любовь до сих пор ее пугает и злит.

— Хватит, — довольно резко требует она, и мы все на нее удивленно смотрим.

26

— Хватит скучать о прошлом, — Маша неловко улыбается, стараясь смягчить свой голос. Затем она пытается спрятаться за веселостью.

— Да что вы все застряли в прошлом! — ее голос звенит, слишком громкий, слишком резкий для уютной гостиной. Она насильно вставляет в него смешок. — Главное то, что сейчас! Сейчас у нас праздник! Сейчас!

— А я сейчас вам нафеечу Любовь! — тут же подхватывает Катя, вскакивая с ковра. Она размахивает розовой палочкой с сердечком, забыв про куклу и домик. — За ваши подарки! — Она целится палочкой сначала в Артура, который мрачно ковыряет пальцем ворс ковра. — Бдысь!

Потом – на Лору, сидящую рядом с разорванной упаковкой. — Бдысь!

Лора резко краснеет, будто ее действительно обожгло волшебством. Она опускает глаза, пряча смущение. Артур же фыркает, как взбешенный котенок, и резко вскакивает.

— Я хочу жрать! — объявляет он на всю гостиную, голос злой, сдавленный. — Достали уже с феями и любовью! — Он разворачивается и сердито шагает к двери, нарочито громко топая.

— Ой, какой ты громкий, — моя мама вздыхает.

За его агрессией я ловлю другое – мгновенную растерянность, быстрое смущение, которое он тут же прикрыл вспышкой гнева.

Как Слава когда-то. Но другие, похоже, не заметили. Для них Артур опять просто взорвался.

— Артур! — голос Славы вибрирует в воздухе, властный, привыкший к повиновению. Он встает с дивана. — Мы все пойдем за стол. Что опять за фокусы? Немедленно вернись!

Артур останавливается у высокого комода, спиной ко всем. Его плечи напряжены. Он не оборачивается, только скрещивает руки на груди – маленький, но уже такой узнаваемый жест неповиновения, который проживали все мальчики в нашей семье.

Молчание.

— А, может, правда за стол? — торопливо встает и Маша. Ее голос дрожит. Она пытается спасти ситуацию. — Подарки все подарены... Пирог, наверное, уже остывает... — Она делает неуверенный шаг к двери в столовую, бросая тревожный взгляд на Славу, на Артура, на меня.

Мои и родители Славы напрягаются.

Лора тем временем поднимается с ковра и подсаживается ко мне на диван. Ее тело теплое, гибкое. Она прижимается ко мне боком, ища утешения в этой внезапной напряженности. Ее губы касаются моего уха, шепот горячий и доверительный:

— Мам... А я вот совсем не верю, что Костя и Гриша были маленькие. И что вы с дядей Славой были вместе.

Я почему-то задерживаю дыхание.

Ох, чует мое сердце сегодняшний день будет очень непростым.

— Вместе-вместе. Как папа с мамой, — Она вздыхает, ее пальцы бессознательно теребят край моей блузки. — Я вот недавно нашла ваши фотографии... в старой коробке на антресоли. С вашей свадьбы...

Маша, уже почти у двери, замирает как вкопанная. Ее спина напрягается, будто по ней ударили безжалостным кнутом и вспороли кожу.

Она медленно, очень медленно поворачивается. Ее лицо – маска, но глаза... глаза горят холодным, испуганным огнем. Они прикованы к Лоре.

Лора, увлеченная, будто не замечает этого смертоносного взгляда. Она смотрит на меня огромными, честными глазами, полными детского любопытства и какого-то необъяснимого сожаления.

— ...ты там такая счастливая, — шепчет она. — И дядя Слава... А потом вы там с Костей и Гришей... Они такие мелкие, будто совсем и не они.

Тишина. Абсолютная.

Даже Катя замерла с палочкой, почувствовав грозу.

Воздух искрит от напряжения, которое исходит от Маши.

Прошное ворвалось в комнату через уста ребенка и разорвало хрупкую ткань настоящего.

Слава стоит неподвижно, его взгляд прикован к Лоре, а потом медленно, очень медленно, переходит на меня. В его глазах – опять растерянность.

Я ловлю себя на мысли: вся эта теплый, шумный, неловкий праздник... Маша не хочет быть здесь.

Маша сейчас стоит на тонком льду, а под ним – темная, холодная вода.

Вода нашего со Славой прошлого, ее обиды, ее ревность, ее страх.

Мы со Славой наши обиды, наши сожаления и нашу вину прожили, приняли и осознали, а Маша застряла посреди хрупкого льда.

И Лора только что бросила в этот лед камень.

— Это было давно, Лора, — говорит наконец Слава и мягко улыбается Лоре. — Об этом и речь.

— Но было же, — упрямо заявляет моя Лора, которая так любит философствовать и говорить о жизни, — все это было.

— Теперь есть другое, — Слава пожимает плечами.

— Да, — Лора кивает. — Другое, дядя Слава. Вы другие. Вы совсем другие с мамой...

Я должна ее остановить.

Не время сейчас вести печальные разговоры о прошлом, но я почему-то не могу ни слова сказать. никто не может.

Даже болтливая и громкая Катя серьезно замолчала на полу, прижав к груди волшебную палочку. Даже рот приоткрыла.

— А какие мы там молодые, — мама Славы пытается спасти ситуацию.

— Я когда смотрю на эти фотографии, — моя мама тоже понимает, что надо свернуть разговор в другую сторону, — аж плакать хочется. Мне тогда казалось, что я толстая, представляете?

— Мама так больше не улыбается, как улыбается на тех фотографиях, — Лора смахивает со лба локоны непослушных волос.

— А, может, тебе лучше смотреть фотографии со свадьбы твоей мамы с твоим папой? — мило предлагает Маша, но я слышу в ее голосе женское отчаяние.

— Я и их смотрела, — Лора смотрит на Машу открыто и честно. — Там мама как мама, а вот с тобой... — переводит взгляд на опешившего Славу, — там другая мама. И ты другой. Вот как так?

Слава прижимает пальцы к переносице и опускает взгляд, а затем...

Нет, Слава. Не надо сейчас смотреть на меня. Пожалуйста.

Есть моменты, когда женщина чувствует, что после все в груди перевернется вопреки здравому смыслу. Вопреки прожитым годам. Вопреки смирению после двух разводов. Вопреки спокойным ночам без тоски, сожалений и мыслей о любви, что погасла.

Но... Слава поднимает на меня взгляд.

27

Слава поднимает на меня взгляд.

И все.

Весь мир останавливается. Резко. Будто кто-то вырвал вилку из розетки. Звуки — смех Кати, ворчание Артура у комода, шепот взрослых — исчезают. Воздух густеет, становится тягучим, как теплый мед. Я не слышу даже собственного дыхания.

Только он. Его глаза. Темные, глубокие, с морщинками у уголков — знакомые до каждой прожилки и вдруг... чужие. Не глаза отца моих детей. Не глаза друга. Не глаза бывшего мужа. Не глаза близкого человека. Не родственника.

Это глаза мужчины. Мужчины, который смотрит на меня так, будто видит впервые. Или... вновь.

Его зрачки внезапно расширяются. Широко. Очень широко. Будто втягивают в себя весь свет комнаты, всю суету, всю реальность. В них — вспышка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.